

Все, что мы оставили позади

Автор:

Кэрри Лонсдейл

Все, что мы оставили позади

Кэрри Лонсдейл

В результате несчастного случая внутри Джеймса оказались заперты две личности – оба художники, но с непохожими судьбами. Выходцы из разных стран и семей. Возлюбленные разных женщин. Носители различных ценностей.

Чтобы разорвать этот порочный круг, Джеймс решает отказаться от одной из судеб, но делает неверный выбор. Воспоминания о прежней жизни застилают жизнь нынешнюю, и последние шесть лет напрочь стираются из его памяти. Не потеряться в этой новой действительности ему помогают дневники Карлоса – одной из личностей, – который подробно описывал все то, что происходило с ним в течение шести лет.

Кэрри Лонсдейл

Все, что мы оставили позади

© Крупичева И., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Посвящается моим родителям, сохранившим веру

Пролог

Джеймс

Шесть месяцев назад

18 декабря

Пуэрто-Эскондидо, Мексика

Ему снова снилась она. Глаза ее были настолько яркими и горящими, что, казалось, прожигали душу. Когда она перекатывалась через него, целуя его разгоряченную кожу, ее темные вьющиеся волосы ласкали его грудь. Через два месяца они должны были пожениться. Он не мог дождаться той поры, когда будет каждое утро просыпаться рядом с ней, уже как с женой, и нежно любить ее – так же, как она любила его сейчас.

Ему нужно было сказать ей что-то очень важное. И что-то очень срочное сделать. Нечто, что все время ускользало от него, скрывалось в окутанных туманом уголках сознания. Он старательно сфокусировался на этой мысли, пока наконец...

«Я должен ее защитить».

Он должен был защитить свою невесту. Его брат уже покусился на ее честь и попытается обидеть ее снова.

И он увидел своего брата – с решительным упрямством во взгляде. Граничащим с безумием. Они были на яхте. У брата было ружье, и он угрожал. Потом брат

навел оружие на него. Поскольку было ясно, что он выстрелит без малейших колебаний, – он нырнул в воду. Океан оказался бурным, тут же потащил его на глубину. Он почувствовал, что тонет. Пули между тем чиркали по поверхности, проскальзывая мимо его головы и туловища, едва не попадая в цель.

Все сильнее ощущая нехватку воздуха, он греб руками все сильнее и быстрее, подгоняемый самым что ни на есть великим страхом, что ему довелось когда-либо испытать. Он должен ее защитить.

Высокие могучие волны яростно швыряли его на скалистый берег. Его лицо, руки, ноги раздирали жгучей болью. Океан не отпускал его – однако его воля, намерение защитить любовь всей своей жизни оказались сильнее. Он должен был успеть добраться до нее до того, как к ней прикоснется его брат. Течение все норовило затянуть его под воду, и он плавал, стараясь держаться на поверхности, будто дрейфуя по волнам – вперед-назад, вверх-вниз.

Потом вдруг наступил мрак.

– Пара! Пара! – завопил детский голос.

Он резко распахнул глаза. Над ним, сбивая простыни, скакал маленький ребенок. Вокруг кровати, радостно смеясь, подпрыгивал мальчик постарше.

– Despiertate, para! Tengo hambre[1 - Вставай, папа, хватит спать! Я хочу есть (исп.).], – кричал ему по-испански малыш.

Он напряг мозги, извлекая из памяти курс испанского в далеком колледже. Ребенок был голоден и к тому же называл его папой.

«Куда ж это меня, к чертям собачьим, занесло?»

Он резко сел в постели и тут же, передумав, откинулся обратно, к изголовью. Находился он в спальне, в окружении многочисленных фотографий в рамках. На многих снимках он обнаружил самого себя – однако ни на миг не помнил, как на них фотографировался. Окна, расположенные справа от него, выходили на балкон, а там, дальше, простирался океан.

«Какого черта?!» Кровь словно отлила от лица, тело прошибло холодным потом.

Ребенок подскочил ближе, подпрыгивая на кровати и крутясь в воздухе вокруг своей оси:

– Quiero el desayuno! [2 - Хочу завтрак! (исп.)] Quiero el desayuno!

– Хватит прыгать, – прохрипел он и поднял руки, чтобы защититься от мальчишки, оказавшегося уже совсем рядом с его лицом. Он совершенно не понимал, где он и кто он. Необъяснимая паника своими жуткими пальцами схватила его за горло. – Прекрати сейчас же!!!

Малыш замер. Пару мгновений ребенок смотрел на него широко раскрытыми глазами, потом торопливо скатился с постели и убежал из комнаты.

Он зажмурил глаза и мысленно досчитал до десяти. Когда он откроет глаза, все должно вернуться в нормальное состояние. Он просто перенервничал: работа, предстоящая свадьба, неприятности с братьями. В этом, должно быть, все дело. Все это только сон.

Наконец он открыл глаза. Ничего не изменилось. Грудь словно сдавило, дыхание стало резким и тяжелым. Это был не сон. Это оказался ночной кошмар, и он сейчас был в самом его эпицентре.

На тумбочке у кровати он заметил мобильник. Взял его в руку, активировал экран. Когда высветилась дата, сердце замерло. «Ведь должен же быть май. Какого черта там декабрь, причем... через шесть с половиной лет после свадьбы?!»

От входа слышался какой-то шум, и он вскинул голову. В дверях стоял мальчик постарше с сильно побледневшим кофейно-загорелым лицом.

– Рара?

Он снова сел в постели:

– Кто ты такой? И кто я? Что это за дом?

Похоже, его вопросы напугали мальчугана, однако из комнаты он не ушел. Вместо этого подтянул к стенному шкафу стул, забрался туда и вытащил с самой верхней полки небольшой металлический ящик. Спустившись со стула, поднес ящик к нему и потыкал в кнопочную панель, вводя четырехзначный цифровой код. Замок со щелчком открылся. Мальчик поднял крышку и, оставив ящик, медленно попятился из комнаты, не сдерживая бурных слез.

Внутри металлического ящика оказались разные государственные документы: паспорта, свидетельства о рождении и о браке, и тут же, о смерти некой Ракель Селины Родригес. В самом низу лежали несколько флешек и компьютерных дисков, а рядом с ними – помолвочное кольцо. Он узнал это кольцо. Она его носила.

Подняв кольцо к свету, недоуменно уставился на него: «Почему же она теперь его не носит?»

Он положил кольцо обратно в металлический ящик, и тут глаза наткнулись на белый конверт. Письмо было адресовано ему. Джеймсу.

Он вскрыл конверт и вытащил оттуда письмо:

«Пишу я это в пору неизвестности, рано или поздно ожидая неизбежного конца.

Боюсь, настанет день, когда я вспомню, кем я был, и забуду, кто я есть. Меня зовут Джейми Карлос Домингес. Некогда я был известен как Джеймс Карлине Донато.

Если я читаю эту записку, совершенно не помня, как ее написал, – то должен знать одно: я – это ты»[3 - Пролог – перевод Н. Флейшман.].

Глава 1

Джеймс

Настоящее время

21 июня

Сан-Хосе, Калифорния

Умереть намного легче, чем вернуться к жизни. Кипы документов, необходимых для восстановления его личности, хватило бы для того, чтобы снова высосать из него жизнь.

Возможно, ему следовало оставаться мертвым. Потому что здесь для него не осталось ничего ценного. Это было чертовски ясно.

Мысль прошлась по мозгу Джеймса, словно мяч, посланный на бейсбольном поле, с силой ударившийся о внешнюю стенку. Она оставила тупую боль в виске и пустоту в груди.

Джеймс уставился на небо над Сан-Хосе, глядя на него из окна кабинета своего брата Томаса в «Донато Энтерпрайзес». Заходящее солнце отражалось в стеклянных стенах зданий, окрашивая их в сияющие золотистые и оранжевые тона. Потеряно шесть с половиной лет, и он ни черта не может сделать, чтобы вернуть это время.

Но он помнил тот день, когда оставил Эйми, как будто это произошло вчера.

Он шагал взад и вперед вдоль окна, преследуемый тем разговором, который у них состоялся ночью, перед его уходом. «Меня не будет меньше недели, ты даже не успеешь по мне соскучиться». Потом он поцеловал ее и занялся с ней любовью. Его пальцы ласкали лунный свет в ее волосах, Джеймс уверял, что их будущее будет только таким, каким они хотят, он освободится от своих обязанностей перед «Донато Энтерпрайзес». Он хотел заниматься искусством. Его губы прошлись по изящным линиям ее бедер, по изгибам икр, он пообещал заботиться о ней до конца своей жизни.

Но не смог сдержать это обещание. Он предал ее.

Столько времени потеряно. Такая часть его жизни пропала. Его дом. Его искусство. Его личность.

Любовь всей его жизни.

Эйми.

Ее имя шепотом прошло через него.

Знает ли она, что он вернулся в Штаты? Знает ли она, что вернулся он, ее Джеймс?

Они не виделись с тех самых пор, когда больше пяти лет назад она нашла его в Мексике. Она выяснила, что он жив, а не погиб, как уверил всех его брат Томас. Мерзавец даже организовал похороны Джеймса и поставил памятник на семейном кладбище.

Томас сказал ему, что это для его защиты, иначе Фил снова попытался бы убить его, чтобы спасти собственную задницу.

Старший брат воспользовался его амнезией: Джеймс абсолютно ничего не помнил о себе. Томас даже создал для него новую личность, новую жизнь.

Джейми Карлос Домингес. Художник. Вдовец. Отец.

Он совершенно не помнил приезда Эйми в Мексику, как не помнил и того, что влюбился в Ракель, своего физиотерапевта, женился на ней, усыновил ее сына Джулиана и стал отцом для их общего сына Маркуса. Ракель умерла, рожая Маркуса. Томас рассказал о его жизни в Мексике под именем Карлоса, но у Джеймса не осталось об этом никаких воспоминаний. Он не мог вспомнить, как очутился в Мексике.

Память сохранила только то, как он оказался на пляже Сикатела, окровавленный, ничего не понимающий и не имеющий ни малейшего представления о том, кто он и откуда.

Но у него остались дневники, которые больше шести лет вел Карлос, они были аккуратно сохранены им на флешке. Ежедневные записи прекратились за два дня до того, как он снова стал Джеймсом.

Этот чертов парень вел дневник.

Из горла Джеймса вырвался странный звук. Ирония судьбы: каждый раз, когда он ругал Карлоса, он ругал самого себя. Но, когда он отделял себя от Карлоса, ему было легче смириться с потерянным временем.

В этом Карлосе было много такого, чего Джеймс не понимал. Но вот параноидальный страх Карлоса потерять свою личность был ему понятен. Потому что, когда Джеймс вернулся, снова появился на страницах газет и журналов, а мозаика фотографий в рамках на стенах и металлический ящик с кодовым замком со свидетельствами короткой жизни Карлоса остались в прошлом, он оказался навсегда потерян для этого мира.

Джеймс вспомнил вещи, хранившиеся в том ящике с замком. Фотографии, свидетельства о рождении и смерти. Кольцо Эйми, которое Джеймс подарил ей на помолвку.

Его пальцы коснулись граней бриллианта на этом кольце, которое он сунул глубоко в карман. Тонкий габардин костюмных брюк царапал бедра, давно привыкшие к широким шортам. А кольцо было твердым, холодным напоминанием о том, что всю оставшуюся жизнь он будет расплачиваться за свои ошибки не только шрамами, покрывшими его тридцатилетнее тело. Рубец от правого виска до подбородка, неправильно сросшийся нос, неровная кожа на бедре – след от пули, как полагал Джеймс. С этими шрамами он мог справиться. Но вот с тем, что он никогда не разделит жизнь с Эйми, потому что сам все испортил, Джеймс смириться никак не мог.

Он подумал о своих сыновьях, которые ждали его в конференц-зале. Одиннадцатилетний Джулиан ненавидел Джеймса. Он был убежден в том, что Джеймс не хочет быть их отцом и собирается отправить их на Гавайи к сводной сестре Ракели, Наталии Хейз. Шестилетний Маркус боялся его с того самого дня, когда отец вдруг заговорил по-английски. Джеймс уже не тот рара, что прежде.

Одному богу известно, как он сумеет устроить своих сыновей в новом доме и в новой для них стране. Будут ли они доверять ему, как отцу, когда они все вместе попытаются начать новую жизнь?

Но Эйми не станет частью этой жизни.

Джеймс вздохнул, преодолевая боль глубоко в груди.

– Она с тобой не встретится.

Джеймс сжал в кулаке кольцо, медленно отвернулся от окна и свирепо посмотрел на брата. Томас сидел за письменным столом, бездумно постукивая ручкой «Монблан» по стеклянной поверхности. У Джеймса шевельнулись уши, ловя звук. Ручка царапала стекло. Джеймс крепче сжал бриллиант, и камень впился ему в ладонь. Захотелось ударить Томаса, ощутить тошнотворный треск сломанных костей, чтобы камень завибрировал в его руке. Это желание захватило Джеймса. Почти.

«Держи себя в руках, Джеймс».

Томас выдержал взгляд младшего брата, его бровь изогнулась, как будто он ждал возражений Джеймса.

– Откуда ты знаешь? – спросил Джеймс, снова отворачиваясь к окну. – Ты не видел ее пять лет.

Постукивание ручки прекратилось.

– Я с ней не разговаривал.

В декабре, когда Джеймс начал бомбардировать Томаса вопросами об Эйми, брат не смог на них ответить. После возвращения в Штаты она обратилась в суд, и судья установил для Томаса временный запрет на приближение к ней. Эйми не хотела иметь дела ни с Томасом, ни с семьей Донато. Когда запрет был снят, они обменялись несколькими электронными письмами, и Томас оставил ее в покое.

Джеймс не винил Эйми. Если бы он не настолько полагался на помощь Томаса, чтобы вернуться к привычной жизни, он бы тоже вычеркнул его из своей жизни. Джеймс даже подумывал о том, чтобы подать в суд на Томаса за нарушение его человеческих прав. Но собственный стыд и уважение к матери остановили Джеймса. Три сына Клэр Донато уже достаточно сделали для того, чтобы разрушить семью. Кроме того, Джеймс заслужил то, что с ним произошло. Из-за собственных ошибок он оказался там, где оказался, покинутый и практически забытый.

– Я видел Эйми, – пробормотал Томас.

Джеймс надел кольцо на мизинец. Он облокотился на стекло, постучал по нему пальцем и задумался, прав ли Томас. Захочет ли Эйми видеть его?

Колесики кресла прокатились по плотному ковру, и отчетливый хруст дорогой ткани всколыхнул воздух. Томас тоже подошел к окну и встал рядом с Джеймсом.

– Лос-Гатос – маленький город. Я прохожу мимо ее кафе почти каждый день. Я не могу не видеть ее или Яна. Или их дочку.

Джеймс уперся лбом в стекло.

– Ей пришлось двигаться дальше, – продолжал Томас. – Ребенок. Муж. Она любит Яна. Она счастлива.

Джеймс это знал, знал с того самого дня, когда в декабре позвонил ей, но номер оказался отключенным. Никогда в жизни он не был так напуган.

Зато когда он позвонил Томасу, брат ответил после первого гудка. Через двадцать четыре часа Томас уже был в Мексике и все рассказал.

Томас вцепился в плечо Джеймса:

– Не разрушай ее брак.

– Так, как ты разрушил мою жизнь?

Томас поморщился:

– Я же говорил тебе, что пытался ее наладить. Ты не желал иметь со мной дела, когда ты был Карлосом. – Он наклонил голову вниз и посмотрел на вечерний поток автомобилей внизу. – Я не смог заставить тебя уехать из Мексики, сколько бы ни старался убедить.

Солнце скрылось за горизонтом, небо потемнело. Их отражения в темном стекле с каждой минутой становились все отчетливее. Джеймс впервые в жизни заметил, что он крупнее Томаса. И выглядел он намного моложе, чем предполагали два года разницы со старшим братом.

Когда в декабре Джеймс впервые увидел собственное отражение, именно это удивило его больше всего: как сильно он постарел. Длинные волосы, как у сёрфера, и шрамы на лице шокировали его. За шесть с половиной лет морщинки вокруг глаз и рта стали глубже, кожа на ребрах натянулась, как будто он часто жарился под мексиканским солнцем. Но Карлос держал тело в отличной форме. Помимо пробежек и горного велосипеда, он вел активную жизнь на природе.

Томасу повезло меньше. Он обладал очень коротко подстриженными тускло-серыми волосами, белой кожей, которой не хватало витамина D, и худощавым телом, выживавшим, как предполагал Джеймс, на кофеине, сигарах и алкогольной диете. Бар в офисе Томаса был отлично укомплектован, и дымный, въевшийся запах сигар бил в нос, когда Томас стоял рядом. От резкого запаха курева, исходившего от костюма брата, у Джеймса заслезились глаза.

Трудно было поверить, что Томасу меньше чем через два года будет сорок. Он выглядел намного старше.

– Я не планирую встречаться с Эйми, – с покорным вздохом ответил Джеймс. Во всяком случае, пока. Он не был уверен, что выдержит эту встречу, зная, что Эйми больше ему не принадлежит.

Он отошел от окна и остановился возле стола Томаса. Там лежал большой конверт, адресованный Джеймсу.

– Это оно?

– Да, принесли сегодня утром.

Джеймс вскрыл конверт, посмотрел содержимое. Ключи от родительского дома и документы на него. После смерти отца мать переехала в дом престарелых. Теперь родительский дом принадлежал Джеймсу, там он мог растить своих мальчиков. Но он намеревался продать его как можно скорее.

Он проглядел остальные бумаги. Список банков и номера инвестиционных счетов, школьные регистрационные формы для мальчиков. Ключи от машины. Новая жизнь.

Если бы все было так просто.

Джеймс подумал о своих сыновьях. Из-за него из их жизни исчезло все привычное: дом, школа, друзья. Они потеряли мать, а совсем недавно и отца, которого они знали. По мнению Джулиана, Джеймс оказался плохой заменой.

– На этой неделе я продал остававшиеся у тебя акции «Донато Энтерпрайзес». Дом мамы и папы твой, делай с ним, что хочешь, – объяснил Томас. – Имущество, которое ты отправил из Мексики, доставлено. Твои полотна упакованы в ящики.

Джеймс вытащил документ из конверта. Томас подошел к столу и постучал по бумаге своей ручкой.

– Мальчиков приняли в школу Сент-Эндрюс.

Это была частная школа рядом с домом, в котором они с Томасом выросли. Они тоже ходили в эту школу.

– У них отличная программа «английский язык как второй родной».

– Они бегло говорят по-английски. Судя по всему, я за этим проследил. – Джеймс насмешливо фыркнул.

Он убрал бумаги обратно в конверт и хлопнул им о бедро. Джеймсу хотелось уйти. Он устал, проголодался, и мальчики тоже, он это знал. Они приехали сюда

сразу после того, как приземлился их рейс из Мехико.

– Тебе что-то от меня нужно?

Томас покачал головой.

– Тогда на этом все. Я позвоню, если мне что-то понадобится. Без причины я тебе звонить не стану.

«Никогда не стану», – хотел бы сказать Джеймс. Но что бы он ни пытался поймать в жизни, Томас оказывался там, чтобы перехватить мяч. «Пенальти», – хотелось крикнуть Джеймсу. Ему просто было нужно, чтобы Томас оставил его в покое, черт побери.

Джеймс повернулся к дверям.

– В следующий вторник из тюрьмы выходит Фил, – сообщил Томас, когда Джеймс уже был у двери. – Его выпустят. Он будет свободен.

Томас развел руками.

– И ты только теперь мне об этом говоришь? – Джеймс пристально посмотрел на брата. Он думал, что Филу сидеть еще несколько месяцев. Глаза Джеймса сузились. – И как давно ты об этом знаешь?

Томас принялся внимательно рассматривать ручку, которую держал в руке.

– Будь ты проклят! – Брат все знал достаточно давно, Джеймс вполне бы мог уехать подальше отсюда. Томас был преисполнен решимости наладить все, что только можно, в жизни Джеймса, включая его возвращение в Лос-Гатос.

– Я уже говорил тебе, что Фернандо Руис, глава картеля Идальго, был арестован, предстал перед судом и получил срок. Сомневаюсь, что у Фила остались связи с картелем Идальго. И все же, – Томас постучал ручкой по костяшке большого пальца, – будь осторожен. У нас нет никаких доказательств, но я нутром чую, что он пытался тебя убить. И я понятия не имею, что он сделает, когда выйдет на свободу. Он еще не знает, что ты жив.

Джеймс ударил кулаком по двери.

– Иисусе, Томас, в самом деле? Ты должен был сказать ему об этом. – Джеймс подумал, что тогда у него было бы время посетить Фила до того, как он выйдет из тюрьмы. – Ты действительно думаешь, что он снова попытается убить меня? Зачем? Все решено. Федералы получили того, кого хотели, а ты отправил Фила в тюрьму.

– Фил попытается выяснить, есть ли у тебя доказательства его участия в попытке убить тебя.

– Мы не знаем, он или кто-то другой пытался меня убить, – подчеркнул Джеймс. – Я ни черта не помню.

– Совсем ничего?

– Ничего.

Томас выругался сквозь зубы.

– Ты бы сказал мне, если бы что-то вспомнил, верно? Как только вспомнишь, сразу свяжись со мной.

Джеймс коротко кивнул. Возможно, это важно для Томаса, но для Джеймса что случилось, то случилось. Он сам все испортил, погнавшись за Филом без какого-то бы ни было плана. Он был в ярости из-за того, что Фил попытался изнасиловать Эйми. Испытывал отвращение из-за того, что Томас не проявил никакого интереса к тому, что Фил отмывал деньги. Джеймса бесил план Фила разорить семью. В результате Джеймс подвел всех, особенно Эйми.

Он толкнул дверь, массивную, из красного дерева.

– Джеймс!

Он повернул голову к Томасу, но не посмотрел на него.

– Хорошо, что ты вернулся.

Джеймс вышел из офиса и тихо закрыл за собой дверь. Он посмотрел через холл и с облегчением увидел, что сыновья все еще в конференц-зале. Мальчики, воспитание которых Карлос никогда не доверил бы Джеймсу.

Глава 2

Карлос

Пять с половиной лет назад

1 декабря

Пуэрто-Эскондидо, Мексика

На террасе бара на пляже гостиницы «Каса-дель-Соль» сидел тот самый парень, который приехал вместе с Эйми. Ян, так его звали. На его плече висел фотоаппарат, и он слишком часто смотрел на меня. Почему он все еще здесь? Ему следовало бы уехать вместе с ней.

Имельда Родригес, владелица отеля и женщина, изображавшая мою сестру, сказала мне, что Эйми улетела домой днем раньше, через несколько часов после того, как я высадил ее у гостиницы. Мне была известна только одна причина, по которой я снова пришел в отель сегодня после полудня. Я хотел ясно дать понять Имельде, чтобы она держалась подальше от меня и моих сыновей. Она мне не сестра, а им не тетя. Я не хочу, чтобы она была в нашей жизни. Она плела интриги, она манипулировала, она лгала. Только бы не потерять свою гостиницу, за которую она не могла выплатить кредит. Томас Донато заплатил ей, чтобы она поддерживала ту придуманную жизнь, которую он создал для меня.

Я так и не узнал, почему он почувствовал потребность впутать в дело Имельду. И в этот момент мне было плевать на него. Сидя у стойки бара, я выпил шот

текилы «Патрон» и вытер губы тыльной стороной руки.

Два дня назад Имельда призналась, что я не Джейми Карлос Домингес. Меня зовут Джеймс Чарльз Донато, и девятнадцать месяцев я прожил в состоянии диссоциативной фуги, оно продолжалось и сейчас. В любую минуту, в любой день, в любом месте я могу выйти из него. Бум! И я снова Джеймс. Настоящий я. Когда это произойдет, я забуду все, что со мной случилось после того, как я очнулся в больнице под гул аппаратов, с трубками, прикрепленными к моим рукам и в окружении тошнотворного запаха засохшей крови, антисептика и собственного немытого тела. Я понятия не имел, кто я такой и откуда. В моей голове не осталось ни одного воспоминания, кроме этого, первого: врач склонился надо мной и спрашивает, как меня зовут.

Когда я выйду из фуги, я забуду, как сильно я любил свою покойную жену, Ракель, и своих сыновей. Не вспомню, как меня обнял Джулиан, когда узнал, что я усыновил его. Я забуду и тот первый раз, когда Маркус сжал мой палец и улыбнулся мне беззубой улыбкой.

Я забуду, что я был Джейми Карлосом Домингесом.

Девятнадцать месяцев я не проживал ложь. Я был ложью. Мужчина с фальшивой личностью и без прошлого.

Что же до моего будущего, то его у меня может и не оказаться. Мой мозг переключится с Карлоса на Джеймса, и мужчина, которым я был сегодня, завтра исчезнет. Когда это случится, у моих сыновей будет отец, который их не знает и вряд ли захочет их воспитывать.

«Dios![4 - Боже! (исп.)] Что будет с моими сыновьями?»

Я пропустил еще несколько шотов и проглотил обжигающую текилу. Я собирался пойти домой после разговора с Имельдой, но к черту все. Мне нужно было пропустить стаканчик или два. Я опустошил еще один шот. Всего получилось пять.

Текила узлом скрутила мой пищевод. Я выдохнул сквозь зубы, ударил себя в грудь кулаком, потом откашлялся.

Я посмотрел на часы. Отлично, у меня еще есть время. Наталия, сводная сестра моей покойной жены, присматривала сейчас за мальчиками. В качестве представителя отцовской компании «Хейз Боардс», она приехала в Пуэрто-Эскондидо на ежегодный torneo de surf[5 - Турнир, соревнования по сёрфингу (исп.)]. Она собиралась уехать утром, но, учитывая ядерную бомбу, которая взорвалась в прошлый уик-энд, она осталась еще на неделю. Мне нужно было разобраться с последствиями, не волнуясь о том, кто позаботится о Джулиане и Маркусе.

Мне нужно было напиться.

Налив еще несколько шотов, я быстро проглотил их один за другим – один, второй, третий – опуская стаканчик на стол после каждого раунда. Выпив девятый шот, я уставился на свое отражение в зеркале за барной стойкой. На меня смотрели покрасневшие глаза на лице с трехдневной щетиной. Зеркало покачнулось.

– Bay! – сказал парень, сидевший на соседнем табурете. Он подтолкнул меня назад.

– Lo siento[6 - Извините (исп.)]. – Я положил локти на стойку и опустил голову на руки.

– Пустяки, приятель. – Парень похлопал меня по вспотевшей спине. Выгоревшие на солнце волосы упали ему на лоб. Он отбросил их назад и улыбнулся.

– Тебе хватит, Карлос. Я тебе больше не налью, друг, – сказал мне по-испански бармен Педро. Он забрал со стойки мой стакан и отправил его в мойку, где он звякнул о другие грязные стаканы.

Я схватил бутылку текилы, на дне которой плескалось на палец алкоголя, и сполз с табурета. Педро окликнул меня, когда я уходил. Я помахал рукой:

– Запиши на мой счет.

Я шагнул с террасы бара и утонул в песке. Вечернее солнце обожгло лицо, на мгновение ослепив меня. Сощурившись, я побрел по песку и нашел убежище в

тени одинокой пальмы. От сухой жары защиты не было.

Текила не помогла, подумал я, вытирая пот со лба. Я оставался парнем с фальшивым именем и мрачным будущим. И никак не мог контролировать ситуацию.

Прислонившись к стволу пальмы, я смотрел, как солнце садится в море. Я почувствовал во рту привкус желчи, желудок свело, как сводит в ситуации «меня сейчас вырвет». Я потер грудь и посмотрел на ближайший мусорный бак. Щелкнул фотоаппарат. Я вызверился на фотографа.

Ян опустил фотоаппарат и прикрыл глаза рукой, защищая лицо.

– Освещение феноменальное. Это был хороший снимок.

Я отмахнулся от Яна.

Он поднял вверх руки.

– Эй, мне следовало сначала спросить.

– Забудь об этом.

Я сам, вероятно, забуду. Однажды. Я предложил ему почти пустую бутылку.

– Выпьешь?

Ян взял бутылку, вытер горлышко рубашкой и выпил. Его губы растянулись, обнажая зубы, пока горечь напитка опускалась в желудок. Он вернул мне бутылку, теперь уже пустую.

– Почему ты все еще здесь?

Он надел крышку на объектив.

– Имельда добывает для меня кое-какую информацию.

Я швырнул бутылку в ближайший мусорный бак и промахнулся. Она упала на песок. Проклятье.

– Я бы не верил тому, что она скажет.

– Моя ситуация никак не связана с твоей.

– Хочешь сказать, что ей не заплатили за то, чтобы она тебе лгала? – Я оттолкнулся от ствола пальмы, и горизонт покачнулся.

– Не падай, парень. – Ян схватил меня за руку. Он подобрал бутылку и покрутил ее перед моим носом. – Ты один все это выпил? – спросил он, выбрасывая бутылку в бак. Она упала на кучу пустых бутылок из-под пива, оставшихся после турнира.

Я покачал головой. «Нет, слава богу». Я был пьян, но не в коматозном состоянии. В бутылке было чуть меньше половины, когда Педро начал наливать мне шоты. Кстати, о шотах...

– Мне нужно выпить. – Я покачнулся и отошел от дерева.

Ян скрестил руки на груди.

– Знаешь, ты точно такой же, как он.

– Разумеется, я выгляжу, как Джеймс. – «Ты, идиот».

Он кивком указал на отель «Каса-дель-Соль».

– Я говорил о твоём брате Томасе.

О мерзавце, который срежиссировал мою жизнь-неразбериху. Его я точно видеть не хотел. Не могу сказать, что бы я с ним сделал, если бы увидел. В первую очередь он бы узнал, что значит приходить в себя после восстановительной лицевой хирургии и иметь поврежденные связки в плече.

Это было мое второе воспоминание. Открыв глаза, я увидел женщину, сидевшую у моей постели. В белой блузке и серой юбке, мускулистые ноги скрещены и слегка наклонены вбок. Красива настолько, что перехватывает дыхание. Это была моя первая мысль о ней. Как экзотическая модель из каталога дорогой одежды. Или одна из тех, кого фотешопом доводят до совершенства на гляцевых страницах журналов, таких как тот, который она перелистывала. Я поднял голову, чтобы увидеть, что она читает, и застонал, когда плечо взорвалось острой болью.

Женщина резко вскинула голову. Она отбросила в сторону журнал и нагнулась ко мне. Ее рука, мягкая и прохладная, нашла мою руку, и тут она улыбнулась, ее глаза цвета какао засияли.

– Не двигайся, тебе надо отдохнуть, – сказала она успокаивающе. – Тебе надо восстановить нос и скулы. Чем меньше ты будешь двигаться, тем меньше боли будешь чувствовать.

Ее пальцы легко пробежались по моему лицу, привлекая внимание к бинтам, окутывавшим мою голову.

Женщина кивнула в сторону моего правого плеча.

– У тебя выбито плечо.

Она объяснила, что опухоль наконец уменьшилась достаточно, чтобы доктор Мендес смог вправить плечо. Шевелить плечом мне нельзя, потом мне назначат лечение.

Мой взгляд скользил по ее лицу, по острым углам скул и прямой линии носа, намекающей на европейских предков. Я нахмурился. Откуда я могу это знать, если я понятия не имею, кто она такая, да и собственное имя для меня загадка?

– Кто ты? – прошептал я потрескавшимися губами.

– Имельда. – Она разгладила юбку ладонями. – Имельда Родригес. Я – твоя сестра. И я намерена позаботиться о тебе, Карлос. S??[7 - Да? (исп.)]

– S?.

У меня есть сестра.

Я не знал, почему это важно. Но это было чертовски важно. Эта женщина присмотрит за мной, пока я буду выздоравливать. В тот момент я почувствовал себя в безопасности.

Я посмотрел на Яна, стоявшего в нескольких шагах от меня, и меня охватило неприятное чувство, усугубляя тошноту, появившуюся из-за слишком большого количества спиртного, выпитого всего лишь за двадцать минут. Интересно, был ли я сегодня в большей безопасности, чем в те времена, когда я еще не вошел в состояние фуги.

Педро оставил свой пост за стойкой бара и вышел через заднюю дверь, возможно, покурить. Он даже не узнает, что я вернулся в бар еще за одним шотом.

– Я собираюсь выпить. Ты как?

Ян покачал головой и сунул руки глубоко в карманы шорт-карго.

– Если ты напьешься до невменяемого состояния, это не решит твои проблемы.

Я с отвращением фыркнул.

– Кстати, твой брат тоже напился. С момента своего приезда сюда, уже два дня он не вылезает из бара в вестибюле гостиницы.

– Мне плевать. Что же до моих проблем, то эти шоты проделали феноменальную работу, позволив мне забыть о проблемах.

Я направился к бару.

– Можно дать тебе совет?

Теплый песок под моими ногами и выпитая текила довели мое тело до жидкого состояния. Я смотрел на Яна и покачивался. Он ничего не сказал, только склонил голову к плечу и поднял в ожидании брови. Я вздохнул и сделал жест рукой. «Давай, парень, выкладывай». Мне нужно идти.

– Поговори с ним, – посоветовал Ян.

– В самом деле? – Я хмыкнул и развернулся, чтобы уйти.

– Тогда пойд и набей ему морду. Поверь, вы оба почувствуете себя лучше.

– Я не хочу его видеть, – выговорил я непослушным языком. Наверное, мне не стоило пить еще. Не хочу, чтобы Имельда везла меня домой.

– Как пожелаешь. – Ян на долю секунды встретился со мной взглядом, потом отсалютовал и пошел прочь. Вполне вероятно, что он пошел собирать вещи, чтобы улететь обратно в Штаты. К Эйми.

– Ты любишь ее, – сказал я, когда он подошел к ступеням в том месте, где патио отеля переходило в песчаный пляж.

Он развернулся, наши взгляды встретились.

– Да, люблю. Очень сильно.

– Береги ее. Судя по всему, у меня это не слишком хорошо получилось.

Ян коротко кивнул и взбежал вверх, перепрыгивая через две ступеньки.

Мой телефон зажужжал. Сообщение от Наталии:

Ты будешь дома к ужину?

Я вытер пот, заливавший глаза, и ответил:

Нет. Не сегодня.

Я не хотел появляться дома пьяным, пока мальчики не уснули. Незачем им видеть, в какую развалину превратился их отец. Но Наталия...

Дождись меня.

Пожалуйста.

Она ответила через пару секунд:

Дождусь. Береги себя.

Она за меня беспокоилась. И сказала мне об этом, когда я выложил ей свою трагическую историю, словно только что пойманную рыбу, со вспоротым брюхом, очищенную от чешуи и от костей. Я чувствовал себя как такая рыба. Я барахтался, пытаюсь найти во всем этом смысл. Ложь, коварство. Предательство. Моя семья бросила меня здесь, словно разорванный шлепанец, потерянный в песке. Наталия смотрела на меня глазами размером с полную луну, ее рот приоткрылся. Потом она заплакала и попыталась утешить меня. Я не хотел ее сочувствия и еще больше не хотел ее жалости. Я стукнул кулаком по стене и отправился на пробежку. Я бежал быстро и интенсивно, пробежал несколько миль. Потому что, если бы я остался с ней, она бы тоже увидела меня плачущим.

Сунув телефон обратно в карман, я посмотрел на океан и подумал о том, куда идти дальше. Рядом был бар на пляже. За моей спиной – гостиница. Ян исчез за дверью вестибюля, и Томас был где-то там, внутри. Скорее всего в баре. «Ты такой же, как он». Слова Яна возвращались снова и снова, как набегающие волны. Никакой текилы. Мне нужно рисовать.

* * *

Я перебрал картины, написанные до фуги, те самые, которые привез Томас, утверждая, что они мои. Я рассматривал их, как будто видел впервые в жизни. Это были его картины. То есть мои.

Джеймса.

«Не важно».

Я просмотрел холсты. Ландшафты, которые я, вероятно, когда-то видел. Дубовый лес в вечернем свете. Луг на закате. Океан в оттенках сланца и камня. Где были все эти места? Какое значение они имели для него?

Не для него, для меня, поправил я себя. Какое значение они имели для меня?

Никакого. Абсолютно, черт подери, никакого.

Я с грохотом вернул холсты на место у стены и распахнул окно. Вечерний бриз, насыщенный океанской солью и дымом грилей с тротуара внизу, ворвался в комнату. Я втянул пряный воздух, и острая боль, словно мастихин, пронзила мне череп, как будто мой мозг был шариком акриловой краски. Я прижал ладонь ко лбу. Похмелье завтра будет страшным.

Из дальнего угла мастерской надо мной смеялись портреты женщины, похожей на Эйми. Я писал ее больше года, женщину, к которой тянулся в своих снах. Ее изображение менялось от портрета к портрету, пока не стало почти точной копией той женщины, которую я нашел плачущей у двери в мою мастерскую.

Это сводило с ума: видеть ее сидящей здесь, прикасаться к женщине, которая сбивала меня с толку в те ночи, когда она приходила ко мне. Всегда один и тот же сон – я тянулся к ней, целовал ее нежные губы, пока она не растворялась в воздухе, оставляя пустоту в руках и тоску в душе. Я чего-то хотел. Или это была другая часть меня, Джеймс, который тосковал по ней?

Эти сны пробуждали смесь основных эмоций. Радость, печаль, гнев и страх. Когда я внезапно просыпался, ловя ртом воздух, исчезало все, кроме страха. Страх еще долго цеплялся за меня после того, как я просыпался в поту, влажные простыни опутывали мои икры. Иногда мне требовалось несколько часов, чтобы снова заснуть. В другие ночи я не спал до первых лучей зари. Я зашнуровывал свои беговые кроссовки и выбегал на улицу, чтобы сжечь страх.

Но он никогда не уходил полностью. Теперь я знал. Честно говоря, я боялся с того самого дня, когда я пришел в себя в больнице. Я думал, что этот страх спровоцировала потеря памяти, но, возможно, что-то еще предупреждало меня о том, что все, рассказанное Имельдой и врачами о моем прошлом, придумано.

Какая-то похороненная часть меня понимала, что это все ложь. Я сам был ложью.

Я потер лицо обеими руками, ненавидя этот кошмар. Я ненавидел образ Эйми, манивший меня. Она олицетворяла собой все, что я не мог вспомнить, и все, что я обязательно потеряю. Будь она проклята. Гореть ей в аду.

Я зарычал, схватил один из более ранних вариантов ее портрета и грохнул его об стол. Деревянная рама треснула. Я ударил еще раз. И еще раз, и еще, и еще. Господи, как я ее ненавидел. Мне было ненавистно то, что она мне снилась. Ненавистно, что она искала меня и приехала сюда. Она разрушила мою жизнь. Нет! Я еще раз ударил картиной о стол. Имельда разрушила мою жизнь. Томас уничтожил меня. Они уничтожили шансы моих сыновей на нормальную жизнь.

На теле выступил пот, на руках проступили вены, пока я делал все, чтобы уничтожить картину. Деревянная рама развалилась, холст порвался. Я схватил другую картину.

– Джеймс!

Я развернулся, оскалившись. На пороге стоял Томас, костюмные брюки помяты, белая сорочка расстегнута у ворота, рукава закатаны до локтя, пиджак свисает с плеча. Волосы не расчесаны, в карих глазах дикое выражение. У нас с ним глаза одинакового цвета.

Я ухмыльнулся. Он вцепился в косяк двери, его грудь вздымалась, как будто он бежал. Как давно он здесь стоит? Сколько раз он окликал меня по имени?

Нет, он называл не мое имя. Я не был Джеймсом.

– Не надо, Джеймс. Не уничтожай свои картины.

– Это не мое имя, – выпалил я. – Я не он.

Я не хотел быть им. Я это я. Мое тело, моя жизнь.

– Отлично, Карлос. Мне все равно, каким именем тебя называть. Ты по-прежнему мой брат.

Я ткнул пальцем в его сторону и сократил расстояние между нами.

– Ты не мой брат. – Я ударил его в челюсть. Голова Томаса резко дернулась, он отступил на несколько шагов. Боль раскаленной иглой пронзила мою руку от костяшек пальцев до плеча. «Как больно!» Я потряс рукой.

Он схватился за косяк, чтобы устоять на ногах. Потом прижал пальцы к подбородку, поводил челюстью.

– Черт! Полагаю, я это заслужил.

Он заслужил намного больше. Мне хотелось снова ударить его, бить до тех пор, пока его нос не разлетится и скула не треснет. Ему лучше уйти. Уйти прямо сейчас. Я ткнул в него пальцем.

– Убирайся.

У меня два сына, о которых надо было думать. Если я приду домой пьяный, избитый и окровавленный, Наталия выйдет из себя, а Джулиан станет задавать вопросы. Ему почти шесть, он умный мальчик. Он поймет, что его отец подрался, и захочет узнать, почему.

«Mierda! [8 - Дерьмо! (исп.)] Как я расскажу им о себе?»

Я не могу. Не сейчас. Они слишком малы, чтобы понять. Я и сам едва мог осознать это своим поврежденным мозгом.

Сжав пальцы в кулак, я повернулся к Томасу спиной. Подобрал с пола поврежденный холст. Он разорвался по центру, прямо по прекрасным глазам, околдовывавшим меня многие месяцы. Я бросил испорченную картину на стол, гадая, придет ли Эйми ко мне во снах теперь, когда я знаю, кто она. Или это другая моя часть пыталась общаться, пока я спал? Именно это, как я думаю, делал Джеймс. Он хотел, чтобы я что-то узнал.

Томас вошел в комнату, остановился у противоположной стороны стола.

– Нам надо поговорить.

– Нет, не надо. Имельда и Эйми рассказали мне достаточно.

– Они сказали тебе только то, что знали.

И это было больше, чем я хотел понять. Чем больше я узнавал о Джеймсе, тем выше становились шансы на то, что я выйду из фуги.

– Я не хочу больше ничего слышать, особенно от тебя.

– Мне все равно, хочешь ты или нет, – резко сказал Томас.

– Это очевидно. Поэтому я здесь и оказался, – ухмыльнулся я, отталкиваясь от стола и разводя руки в стороны, обозначая эту комнату, этот город. Оахаку. Всю эту долбаную страну.

– Черт подери! – Кулак Томаса обрушился на стол. – Ты можешь просто послушать? Пожалуйста. Выслушай меня.

– Почему сейчас? Почему не девятнадцать месяцев назад, когда я был прикован к больничной койке? Почему не тогда, когда мое лицо опухло, когда у меня было выбито плечо, а я сходил с ума, гадая, кто я, черт подери, такой? – Память вернула меня в больницу, к мужчине, стоявшему у двери в палату. Очки «авиаторы», дорогой костюм, на лице – выражение горя. Гнев вспыхнул во мне, обжег, словно спичка. – Ты был там, в больнице.

Томас переступил с ноги на ногу. Его губы разошлись на мгновение, потом сжались. Он кивнул.

– Ты отдал Имельде пакет со всеми моими документами.

– Да.

– Ты мне ни черта не сказал и заплатил ей за ложь!

Я схватил со стола банку с краской «карибская голубизна», с которой я так долго возился, чтобы она точно передавала цвет глаз женщины из моих снов. Глаз Эйми. Я швырнул банку в угол комнаты.

Брови Томаса взлетели на лоб. Он пригнулся. Банка разлетелась вдребезги, ударившись о стену за его спиной. Краска потекла вниз по стене, как на картинах Джексона Поллока, и собралась в лужицу на полу.

Томас отошел в сторону. Брызги краски попали на его рубашку, капли застыли на волосах. Голубой «горошек» был похож на нарисованных животных в одной из детских книг Джулиана. Сорочка Томаса была безвозвратно испорчена.

Я провел пальцами по волосам.

– Уходи. Просто уйди.

Томас замялся, потом вытащил визитную карточку из нагрудного кармана и положил ее на стол.

– Я спрятал тебя, чтобы ты был в безопасности. Фил пытался тебя убить.

– Тот самый тип, который напал на Эйми? Где он сейчас?

– В тюрьме.

– Тогда мне незачем о нем беспокоиться.

– Это не все... – Он замолчал, когда я поднял руку и потер нос. – Как хочешь. Но пока, я думаю, тебе лучше оставаться в Пуэрто-Эскондидо.

– Я и не собирался уезжать.

Томас бросил на меня взгляд, потом направился к выходу. Он подобрал с пола свой пиджак, который уронил, когда я его ударил, и повесил его на руку.

– Обещай мне, что позвонишь, если передумаешь.

– Передумаю о разговоре или об отъезде из Пуэрто-Эскондидо?

– И о том, и о другом. – Томас печально улыбнулся. – Береги себя и... будь осторожен.

С этими словами он вышел из комнаты.

Глава 3

Джеймс

Настоящее время

21 июня

Сан-Хосе, Калифорния

– Рара рассердится.

– Кого это волнует? Он всегда сердится. К тому же он не наш настоящий рара.

Джулиан выговаривает Маркусу уже в миллионный раз, подумал Джеймс. Маркуса или Марка, как стал его называть Джеймс, должно быть, уже тошнит от отношения старшего брата. Джеймса определенно тошнило.

Стоя в дверях конференц-зала, он смотрел, как Джулиан бросил в стекло шарик из жеваной бумаги. Именно этим он и занимался все то время, пока Джеймс был с Томасом. Шарики из жеваной бумаги украшали стекло, словно падающий снег. Джулиан рвал салфетку, скатывал из нее шарики, смачивал слюной и выстреливал ими через пластиковую трубочку для содовой, которую дети нашли

в комнате для ланча. Липкий шарик ударялся в окно и прилипал к стеклу.

«Хватит».

– Джулиан, – властно сказал Джеймс. Этот тон он слишком быстро освоил после «первой встречи» с мальчиками в декабре.

Джулиан дернулся. Он бросил соломинку под стол для заседаний.

Джеймс, прищурившись, посмотрел на шедевр из жеваной бумаги. Ну и ужас.

Большинство офисных сотрудников уже ушли домой. Он оставил мальчиков в конференц-зале с пакетами чипсов и содовой из автоматов. Вероятно, идея была не самая лучшая, но после отъезда из Штатов много лет назад у него были проблемы с хорошими идеями.

Джеймс посмотрел туда, где сидел Марк. Крошки от чипсов усыпали пол вокруг его стула и выглядели, словно облетевшая краска на занавесе.

– Давайте-ка уберем за собой. Нам пора идти.

Джулиан фыркнул. Короткий, резкий выдох поднял его челку.

– Куда?

– Домой.

– Мы продали наш дом.

– Не начинай, Джулиан, – предупредил Джеймс. – А теперь убери за собой.

Мальчик тяжело вздохнул, подобрал соломинку и бросил ее в корзину для мусора.

– Отличное попадание, – похвалил его Джеймс. Парнишка был прирожденным спортсменом. Джеймс видел, как Джулиан вел футбольный мяч на пляже, где он

и его приятели играли в футбол, как регулярно забрасывал трехочковые мячи в баскетбольную корзину на подъездной дорожке позади их дома в Пуэрто-Эскондидо.

Джулиан искоса посмотрел на Джеймса, закинул на плечо рюкзак, встал со стула и направился к двери.

– Ты ничего не забыл?

Плечи мальчика поникли, он развернулся, шаркая ногами. Джеймс указал на окно.

– Ладно, как скажешь. – Джулиан бросил рюкзак на стул, с которого только что встал.

– Ты тоже, Марк. – Джеймс указал на пол.

Малыш посмотрел вниз. Его губы округлились, он был явно удивлен беспорядком. Марк сполз со стула и начал подбирать крошки, отправляя некоторые в рот.

– Не ешь их.

Сын поднял глаза. На нижней губе повис чипс. Он смахнул его рукой.

– Lo siento, па... То есть прости, папа.

Джеймс провел рукой по лицу. Опустился на колени рядом с Марком.

– Нет, это моя вина. Я не хотел набрасываться на вас. Давай-ка я тебе помогу.

Он сложил руки лодочкой и жестом показал Марку, чтобы тот высыпал в них крошки от чипсов.

– По этому коврику ходили люди. Что, если они до этого наступили на собачьи какашки?

Марк сморщился.

– Какашки? – Он хихикнул, слово показалось ему забавным, потом склонил голову к плечу. – Что такое какашки?

– Собачье дерь... – Джеймс спохватился и покачал головой. – Ну, по-испански это саса.

Губы Марка растянулись в стороны.

– Противно, да?

Марк закивал и вытер язык тыльной стороной руки. Джеймс рассмеялся:

– Думаю, с тобой все будет в порядке.

Он выбросил крошки в мусорную корзину, потом собрал цветные карандаши, разбросанные по столу. Его внимание привлек открытый блокнот Марка. набросок волчьей головы был примитивным, но явно превосходил возможности обычного шестилетки.

– Это нарисовал ты? – Джеймс указал на набросок.

Марк подтащил блокнот к себе, закрыл его и убрал в открытый рюкзак.

– Очень хорошо. – Джеймс передал малышу пенал с карандашами. Сын избегал отцовского взгляда, как будто похвала его смутила. Марк убрал пенал в рюкзак и закрыл «молнию».

Джеймс вздохнул, гадая, удастся ли ему достучаться до этого ребенка. Если не считать потери памяти, то он остался все тем же парнем. Он по-прежнему их отец. Остается надеяться, что когда-нибудь Марк это поймет. И Джулиан тоже.

Джеймс подошел к Джулиану, очищавшему окно, сам снял несколько шариков. Их руки соприкоснулись.

Джулиан отшатнулся:

– Я понял.

– Хорошо, – так же коротко ответил Джеймс. После шести месяцев, прожитых под одной крышей в Пуэрто-Эскондидо, они начали говорить одинаково. Возможно, всегда так было. Джеймс оставил мальчика заканчивать уборку.

Джулиан выкинул бумажные шарики в мусорную корзину, отряхнул руки, потом насухо вытер их о свои джинсы. Надев рюкзак, он вышел из конференц-зала. Марк обошел Джеймса по большому кругу и побежал следом за братом.

Джеймс с силой выдохнул, взял рюкзак Марка и закинул его на плечо. Один веселый день отцовства в Штатах заканчивался. И впереди их еще множество.

* * *

Джеймс стоял вместе с мальчиками в пустой прихожей дома, в котором он провел свое детство. Не считая нескольких предметов мебели – материнского дивана фирмы «Хенредон и Шонер» в гостиной и антикварного итальянского стола из древесины грецкого ореха в столовой, – дом был пуст.

Джулиан бросил рюкзак на пол и ударом ноги послал его к стенке.

– Жуть. Где мы будем спать?

Хороший вопрос. Есть надежда, что остались хотя бы кровати.

Было уже больше десяти. Слишком поздно, чтобы искать отель в этом районе, где жители работали полную рабочую неделю. Джеймс провел сыновей по дому, бросив коробку с остатками пиццы на стол в кухне.

Марк втянул носом воздух и сморщился:

– Здесь воняет.

Да, это точно. Как только они открыли дверь, Джеймс сразу почувствовал застоявшийся, кислый запах «старого дома», который когда-то ассоциировался с его умиравшим отцом. Но был еще и тонкий аромат пудры, как будто испортились любимые духи его матери. Это напомнило Джеймсу о том, как он тут рос и почему проводил столько времени в доме Эйми.

– Дом долгое время стоял закрытый. Запах выветрится, как только мы откроем окна, – сказал он сыну.

Марк подошел к высоким стеклянным дверям большой комнаты и прижался носом и ладонями к стеклу. Он внимательно взгляделся в темноту заднего двора.

– А где пляж?

– Его здесь нет, – с этими словами Джулиан рухнул на кожаный диван. Эта вещь была слишком новой, чтобы принадлежать матери. Томас, должно быть, привез его сюда со склада Донато. Хорошо бы он привез еще и кровати.

– Здесь есть пляж. – Джеймс сурово посмотрел на Джулиана и подошел к Марку. – Но до него двадцать минут. Позади дома – лес. Утром я вам покажу. Мы сможем пойти в поход. Если нам повезет, мы увидим рысь.

Руки Марка сжались в кулаки. Он закусил нижнюю губу. Джеймс принял это за признак интереса.

– Так где мы будем спать? На полу? – Джулиан надел наушники и включил музыку на своем айфоне.

Джеймс вздохнул. Господи, только бы им не пришлось спать на полу. Томас сказал, что оборудовал дом всем необходимым. Полотенца, посуда, молоко, кое-какие продукты. Джеймс надеялся, что Томас не забыл про одеяла и подушки. И про пиво.

Рот наполнился слюной. Джеймс не отказался бы от холодного темного пива после такого дня. Они провели на ногах почти двадцать четыре часа. Мальчикам удалось поспать несколько часов во время пересадки в Мехико, но Джеймс боялся закрыть глаза: вдруг мальчики исчезнут, когда он проснется. Поэтому он

не спал.

Он с легкостью решился продать дом и галерею в Пуэрто-Эскондидо. Он бы еще раньше вернулся в Калифорнию, если бы не сыновья. Они не хотели уезжать. Сказав об отъезде впервые, он время от времени напоминал им о «большом приключении», давая возможность свыкнуться с этой идеей. Они закончили учебный год. Он решил подождать лета, чтобы было время привыкнуть к новой обстановке. Кроме того, ему пришлось ждать визу для мальчиков и собственные документы, удостоверяющие личность.

Вскоре Джулиан и Маркус привыкли к мысли о переезде. Но потом перед их домом появилась табличка «ПРОДАЕТСЯ». В этот момент идея стала реальностью, и Джеймс мгновенно превратился в «плохого парня».

И уже устал играть эту роль. Ему просто хотелось устроиться и наверстать то, что он упустил в своей жизни. Дети приспособятся. В конце концов, они привыкнут к переезду и к нему. Джеймс на это надеялся.

Марк зевнул. Джеймс осторожно потянул его за рукав рубашки.

– Идем, сынок. Давай найдем тебе кровать.

Они нашли большие кровати с подушками, одеялами и постельным бельем в старых спальнях Джеймса и Томаса. Марк занял. Он не хотел спать один. Под нажимом Джеймса Джулиан неохотно предложил разделить кровать с младшим братом.

Джеймс принес багаж из машины, которую для него купил брат, помешанный на экологии, – капризную «Тойоту Приус», – и повел мальчиков по коридору.

– Какая комната? – Джеймс указал на дверь своей детской, потом на дверь комнаты Томаса.

– Вот эта. – Джулиан вошел в комнату слева. Бывшая спальня Джеймса. Он и сам удивился тому, как было приятно, но ни слова не сказал об этом Джулиану. Иначе парень тут же передумает.

Джеймс показал им ванную, потом подождал, пока они готовились ко сну. Как только мальчики устроились под одеялом, Джеймс нагнулся, как будто для того, чтобы поцеловать Марка в макушку. Пальцы мальчика сжали простыню, которую он натянул до подбородка. Джеймс замер, нависая над сыном. Все эти разговоры Джулиана о том, что Джеймс не их «настоящий папа», привели к тому, что Марк был сбит с толку и держался с отцом отстраненно. Мальчик намного теплее относился к своим учителям и соседской собаке. Но Джеймс их хотя бы обнимал, а сам он уже и вспомнить не мог, когда кто-то обнимал его. Ему клали руку на плечо или дергали за руку, чтобы привлечь внимание.

Джеймс выпрямился и только взъерошил Марку волосы. Если бы он позволил себе большее, сын отстранился бы от него еще сильнее.

Марк улыбнулся и уютнее устроился под одеялом. Воздух в комнате был прохладнее по сравнению с сухими, солеными ночами в Пуэрто-Эскондидо.

Джулиан, одетый в поношенную футболку и спортивные шорты до колен, расположился поверх одеяла на другой стороне кровати и по-прежнему слушал музыку. Джеймс указал на свои уши и знаком приказал Джулиану снять наушники.

– Спать. Немедленно.

Джулиан выдохнул, раздувая щеки, словно рыба. Повернувшись на бок, он сорвал наушники и бросил их вместе с айфоном на прикроватную тумбочку. Он лежал к Джеймсу спиной, через несколько секунд его дыхание стало ровным. Он уже спал.

– Спокойной ночи, – прошептал Джеймс с порога. Он выключил свет и прикрыл дверь, оставив щелку, в которую проникала полоска света из ванной.

Произнесенное шепотом «спокойной ночи» настигло его, когда он уже отвернулся. Джеймс замер, смаргивая подступившие слезы. Осознав слова Марка, он произнес про себя молитву.

Джеймс вернулся в кухню. Ставя в холодильник пиццу, он нашел на верхней полке упаковку пива. «Слава богу». Открыв бутылку, он вдохнул ореховый аромат эля. Мышцы, напряженные после путешествия, расслабились. Он выпил

половину бутылки и только после этого прислонился к кухонному столу. Джеймс скрестил руки на груди, бутылка висела в его пальцах. Он вдохнул, долго и глубоко. Глаза закрылись.

Наконец-то он дома, но не по-настоящему дома.

Это был не его дом.

Впрочем, и в Мексике он не был дома, поэтому и оставил ту жизнь позади. И не только потому, что Калифорния ему знакома, но и потому, что у Карлоса было все то, что хотел иметь Джеймс до несчастного случая, – художественная галерея, чтобы выставлять свои работы, учебный класс, чтобы учить других, мастерская для работы, идеально расположенная, с полноценным дневным светом. И еще картины Карлоса, превосходящие умения Джеймса.

Как бы ни было стыдно это признать, Джеймс завидовал тому человеку, которым он был в Мексике.

Он оттолкнулся от стола и вытянул руки над головой. Спина ныла, ноги болели. Чувствуя беспокойство, он выглянул в окно и подумал, не отправиться ли на ночную пробежку. Он бы так и поступил, если бы мог спокойно оставить детей одних. Они еще слишком маленькие, и это их первая ночь в чужой стране и в чужом доме. Именно здесь несколько месяцев жил Фил перед тем, как его арестовали.

Сквозь стекло Джеймс смотрел на темные дубы и ели, которые летом выглядели так мирно. Время возрождения и обновления. Но зимой деревья казались мрачными и зловещими, их ветки были голыми и изогнутыми, словно кости.

Скелеты, похожие на Фила.

Осталось шесть дней до его выхода на свободу. Шесть дней, чтобы придумать, как не встречаться с ним и с остальными членами семьи. Приедет ли Фил в этот дом, раз уж он жил в нем до тюрьмы?

Взгляд Джеймса метнулся к задвижкам на задней двери. Выругавшись сквозь зубы, он отправил себе напоминание по электронной почте.

СМЕНИТЬ ЗАМКИ.

Сунув телефон в задний карман, он оглядел комнату. Сдерживаемая энергия пробежала от дрожащих пальцев до сведенных судорогой икр. Может быть, его старая беговая дорожка все еще стоит в гараже.

Джеймс отправился туда, включил свет. Светодиодные лампы залили светом гараж на четыре машины, и Джеймс судорожно вздохнул. Он знал, что его вещи здесь, и из прошлой жизни, и те, которые доставили из Мексики. Но знать и видеть – это две разные вещи.

Куча его вещей занимала места двух машин, картонные коробки напоминали толстые квадратные колонны. В них было все, что он захотел сохранить из своей жизни в Мексике, которой лучше бы и не было вовсе, и из жизни до того, которой он жить не собирался. Залитые ярким светом, две его жизни слились на гладком бетонном полу.

Джеймс вошел в гараж, привлеченный крупными черными буквами на коробках. «Материалы для живописи». Он медленно провел рукой по словам, узнав почерк Эйми. Когда она это упаковала? До того, как нашла его, или уже после? Он не мог представить, насколько трудными были для нее месяцы после того, как Томас объявил о его смерти. От желания уберечь ее, от одной только мысли об этом у Джеймса едва не остановилось сердце.

Слова расплылись, и во второй раз за этот вечер глаза Джеймса увлажнились. Он не сомневался, что Эйми сложила все его вещи аккуратно и по порядку, даже зная, что он никогда ими больше не воспользуется.

И скорее всего так оно и будет. Голод, заставлявший его творить, делиться своим видением мира, исчез.

И Эйми исчезла тоже.

Джеймс ударил кулаком по коробке и вернулся в дом.

Глава 4

Карлос

Пять с половиной лет назад

8 декабря

Пуэрто-Эскондидо, Мексика

Уже стемнело, когда я, спотыкаясь, свернул на подъездную дорожку к дому. На этой неделе я четыре вечера провел с текилой – жидким золотом и единственным средством, которое помогало мне скоротать одинокие вечера. Истратив еще один день на преподавание живописи, организацию выставок для следующего сезона в галерее и закончив несколько заказов, я оставлял машину возле галереи и приземлялся на табурете в баре «Ла Кантина де Перрито» на той же улице, что и моя галерея. Наталию это не радовало. Мальчики спрашивали, почему я так редко бываю дома.

«Потому что ваш папа – это тикающая бомба времени, вот почему».

Я перевел взгляд на второй этаж. Окна их спален казались черными квадратами на фоне белой штукатурки дома. И я затосковал по ощущению нормальности. Мне захотелось вернуться к тому, что было до появления Эйми.

С поднятой вверх головой я отступил назад и наткнулся на бордюр клумбы, сильно ударившись плечом о расположенную рядом стену, ограждающую мой участок. Боль по спирали поднялась по дельтовидной мышце, разбудив старое повреждение. Я зашипел и ударил кулаком кирпичи.

– Mierda!

Мне нужно взять себя в руки. El pronto! [9 - Быстро! (исп.)] Если не ради себя, то ради Джулиана и Маркуса. Я облизал разбитые костяшки пальцев и потряс

рукой, стараясь унять боль.

Томас улетел в Калифорнию шесть дней назад. Имельда прислала мне сообщение, когда он выехал из отеля. Верный своему слову, хотя это ничего не говорило о его характере, Томас больше не выходил со мной на связь. Имельда пыталась это сделать каждый день. Я отправлял ее звонки на голосовую почту, где всю неделю мигал ее номер в красном кружке.

Я попытался открыть замок. Входная дверь распахнулась. На пороге, подбоченившись, стояла Наталия и мрачно смотрела на меня. Она была одета в облегающий белый топ с узкими бретельками и юбку-«варенку», подметавшую пол. Черт, это было так же красочно, как и ее длинные волосы цвета меди, яркие и блестящие, с разнообразными оттенками. Я заморгал, пытаюсь сфокусироваться, и вошел, споткнувшись о порог. Наталия подхватила меня, не позволив упасть лицом вниз. Мой подбородок врезался в ее плечо, покрытое кремом от загара. Кокос и соль. Она была на пляже с мальчиками. Проклятье, она практически жила на пляже, даже после всех этих лет участия в соревнованиях по сёрфингу. На доске она была звездой, как и ее отец, сёрфер мирового уровня Гейл Хейз.

Наталия пошатнулась под моим весом.

– От тебя несет, как от грязного коврика в баре.

Я выпрямился, сосредоточился на ее голове, чтобы комната перестала вращаться, и нежно потянул прядки ее волос.

– Такие красивые, – пробормотал я. Это относилось к сочетанию оттенков. Она была светлее Ракель. У них был общий отец, но обе пошли в своих матерей.

Наталия оттолкнула мою руку:

– Ты пьян. Опять.

– Ага. – Я опустил руку и сглотнул, мое горло было суше, чем склон холма по соседству. – Мне нужно попить.

Она пошла за мной в кухню и начала рыться на полках. Я налил воду в стакан. Наталия открыла крышку пузырька с аспирином, который нашла рядом с витаминами мальчиков, и высыпала мне на ладонь две таблетки.

– Это становится обычным делом.

Я глупо ухмыльнулся, бросил таблетки в рот и запил водой.

Она смотрела, как я пью, ее взгляд переходил от стакана к моему лицу, потом к моей руке. Наталия резко вдохнула.

– Карлос! – Она взяла у меня стакан, поставила его на стол и коснулась моей руки. Потом осторожно провела большим пальцем по ссадинам на пальцах. – Что ты натворил?

Я вырвал руку.

– Наткнулся на стену.

Этот вечер стал для меня очередным провалом. Всю неделю я бил кулаком. Стену в спальне, когда рассказал Наталии о том, что узнал от Имельды, потом Томаса, а теперь кирпичи забора. Пора мне бросать пить и...

Мои мысли застопорились. «И что?»

Что, ради всего святого, я могу сделать, чтобы улучшить ситуацию? Как я могу гарантировать, что о моих сыновьях позаботятся, если я однажды проснусь Джеймсом?

Наталия вздохнула, и я поднял голову, словно искал в ее глазах ответ. Озарение было подобно восходящему солнцу, яркое и сияющее. Возможно, она и была ответом.

Наталия обняла меня.

– Идем, давай я отведу тебя наверх.

Она стояла со мной рядом, пока я умывался и чистил зубы. Потом отошла к балкону, чтобы приоткрыть его и закрыть жалюзи, давая мне возможность сбросить одежду и натянуть трусы-боксеры и футболку.

Я плюхнулся на кровать, широко раскинув руки. Голова у меня кружилась, и вентилятор под потолком только усугублял головокружение. Я застонал и закрыл глаза, слушая, как Наталия ходит вокруг кровати. Позвякивали серебряные браслеты, которые она всегда носила. По деревянному полу шлепали ее босые ступни. Шелестели хлопковые простыни, которые она вытаскивала из-под меня. Заворчав, я приподнял бедра, чтобы облегчить ей задачу. Наталия остановилась в изножье кровати. Я усмехнулся и поиграл бровями. Она всплеснула руками и посмотрела на меня с отвращением. Сходство этого жеста ударило меня в грудь, почти убив.

– Ты похожа на нее.

Ее лицо стало печальным, и мне захотелось взять свои слова назад. Проклятая выпивка. Текила развязала мне язык.

– Я не она.

«Нет. Ты не она».

Наталия потянула простыни вверх, накрывая меня, присела на край кровати.

– Ты всегда видишь ее, когда смотришь на меня? – спросила она, глядя мне в лицо.

Видел ли я свою покойную жену, когда клал руку на поясницу Наталии? Видел ли я ее, когда мне хотелось поцеловать Наталию? Даже если я и не пытался пока этого сделать, Наталия видела желание в моих глазах. Я тосковал по Ракели и всегда буду тосковать. Она была матерью моих сыновей. Но когда Наталия приехала к нам в гости, я увидел не Ракель.

– Я вижу тебя.

Ее плечи поникли, и я коснулся ее руки. Наши пальцы сплелись, и в моей голове возникла ужасная мысль, пробиваясь кверху, как делает это масляная краска, разведенная водой, эта мысль захватила меня целиком, заставляя отчаянно искать ответа:

– Это было по-настоящему? Ракель и я?

«Хоть что-то в моей жизни здесь было реальным?»

Наталия внимательно смотрела на наши соединенные руки. Она перевернула мою кисть и провела пальцем по линиям на ладони. От этого прикосновения мне стало щекотно.

– Нат, – взмолился я, мое сердце забилося быстрее. Я сжал ее пальцы. Неужели Томас подкупил и Ракель?

– Я думаю, что чувства моей сестры к тебе были реальными. – Она взяла мою руку в свои ладони. – Я никогда не видела ее такой счастливой, как с тобой. Она подарила тебе обоих своих сыновей.

Воздух ворвался в мои легкие.

– Хорошо. – Я откинулся на подушку. – Это хорошо.

Она прижала мою руку к груди.

– Отдохни немного, Карлос, – сказала Наталия, вставая. – Утром я уезжаю, а ты нужен мальчикам.

– Ты им тоже нужна. – Я поднял руку. – И мне.

– Я у них есть. – Она приоткрыла рот, замешкалась, коротко вдохнула и добавила: – У тебя я тоже есть. Ты нравишься мне, Карлос, очень нравишься.

Я покачал головой:

– Я не это имел в виду.

Она моргнула и отвернулась, покраснев от смущения.

– Ты мне тоже нравишься, но, послушай... – Я сунул обе руки в волосы.

Наталия снова села на кровать.

– В чем дело?

Мой взгляд метнулся в сторону коридора, по направлению к спальням Маркуса и Джулиана, и в груди стало тесно. Я сказал Эйми, что она никогда не получит назад своего Джеймса. Прошло уже почти два года, и я был убежден, что таким я останусь навсегда. Я всегда буду Карлосом. Но девять дней назад полное осознание своего состояния пробило крошечную дырочку в моей груди. Я понимал теперь, что никаких гарантий нет. Я мог остаться Карлосом до конца своих дней, а мог завтра проснуться Джеймсом. Все зависело от того, когда мой мозг будет готов справиться с травмой, которая спровоцировала это состояние.

– Когда я перестану быть собой, у них останешься только ты.

– Такого не случится, – ответила Наталия.

– Это может произойти. Существует реальная возможность. Я не доверяю никому из семьи Донато, так как же можно доверять человеку, которым я могу стать? Я не знаю, каким я был. Я могу оказаться таким, как Томас, или как тот, другой брат, о котором он мне говорил, – Фил. Тот самый, который попытался изнасиловать Эйми. Я не хочу, чтобы подобный человек оказался рядом с моими детьми, не говоря уже о том, чтобы он их воспитывал.

– Как ты можешь такое говорить? Ты и Джеймс – это один человек. То же тело, то же сердце.

– Но разум другой.

– У тебя та же самая душа. – Наталия положила руку мне на сердце, и я прижал ее к себе. – Я не могу поверить, что Джеймс может причинить детям боль. Став

Джеймсом, ты будешь любить их так же сильно, как любишь сейчас.

– Мне бы твою уверенность.

Наталия раздвинула пальцы, лежавшие на моей груди.

– Возможно, однажды ты в это согласишься. А пока чем я могу тебе помочь? Что я могу сделать, чтобы ты успокоился?

– Я хочу, чтобы ты усыновила моих детей.

Она отпрянула.

– Что?

– Ты слышала.

Ее тяжелый взгляд уперся в меня. Я не отвел глаза.

– Ты говоришь серьезно?

– Очень серьезно. Я хочу, чтобы ты воспитывала их, если со мной что-то случится.

– С тобой ничего не случится. Ты пьян. Ты не понимаешь, о чем просишь.

– Да, я пьян, но я точно знаю, о чем прошу. Ты – их тетя. Джулиан больше связан с тобой, чем со мной, а Маркус тебя обожает. Это разумно.

– Это абсолютная глупость, – возразила Наталия. – Я живу на Гавайях. Ты ждешь, что я заберу сыновей у тебя, у единственного родного им человека?

– Но я перестану быть собой. – Я вцепился в ее руку. – Я не буду знать, кто они такие. Вполне вероятно, что мне будет на них наплевать, не говоря о том, что им может грозить опасность, если Джеймс увезет их обратно в Штаты. Я бы предпочел, чтобы они жили с тобой на Гавайях, а не в Калифорнии с семьей

Донато.

Наталия высвободила руку и встала.

– Я уеду рано утром. Я об этом подумаю, хорошо?

Она наклонилась ко мне, ее лицо оказалось меньше чем в футах от меня. Она положила ладонь на мою щеку.

– Тебе тоже следовало бы подумать об этом. Возможно, завтра ты отнесешься к этому иначе.

Я в этом сомневался.

Наталия поцеловала меня в лоб, а я положил руку ей на шею, заставляя ее губы задержаться на моей коже. Она чуть приподняла голову, ласково провела большим пальцем по моей щеке.

– Позаботься о своих мальчиках, Карлос. И береги себя.

– В последнее время это было нелегко.

– Я знаю. Но попробуйся. Если я тебе понадобится, я буду в своей комнате внизу, а так – увидимся утром. – Она подошла к двери, ее босые ступни шепотом прошлись по полу. – Спокойной ночи, – сказала она.

– Спокойной ночи, Нат.

Глава 5

Джеймс

Настоящее время

22 июня

Лос-Гатос, Калифорния

Джеймсу следовало догадаться, что возвращение в дом детства вознаградит его беспокойной ночью. Он то засыпал, то просыпался. Холодный, мертвенно тихий дом, слишком большой для трех человек, не давал ему спать. Как и слишком активный мозг.

Джеймс ворочался в кровати, простыни обвились вокруг его ног. Его тревожило, как сыновья адаптируются в новой стране. Он волновался, что они никогда не увидят в нем отца, которым он когда-то был для них. Он стал параноиком, ему казалось, что Фил идет по коридору. Джеймс не мог позвонить единственной женщине, с которой он хотел поговорить больше всего, той, с кем он раньше разговаривал каждый день.

Джеймс застонал и вскочил на ноги. Прошлепал босиком по дому, трижды проверил все запоры, потом изменил настройку термостата. Ожили вентиляторы. Лопасты поскрипывали, разгоняя воздух, стирая давящую тишину в доме. Возможно, белый шум поможет ему заснуть. Джеймс очень скучал по шуму океана за окнами спальни.

Ему не хватало Эйми.

Воспоминание грациозно скользнуло в мозг, как двигалась в его объятиях сама Эйми, когда они танцевали. И вдруг она снова оказалась с ним рядом, в его объятиях. Он кружит ее в переполненном зале на свадьбе Ника и Кристен. Ее ослепительная улыбка предназначена только ему.

– Я люблю тебя, – говорит она.

Он наклонился, чтобы поцеловать ее, но в столовой прозвонили часы. Джеймс напрягся, потом вздохнул. Желание не осуществилось. Он ударил кулаком в стену. Не настолько сильно, чтобы причинить себе вред, но с достаточной силой, чтобы воскресить напоминание о том, что он один в этой новой жизни. Ему не на кого было положиться, не на кого опереться так, как большую часть его жизни

это было с Эйми.

«Господи, как же мне ее не хватает».

Он потерял живот, чтобы унять боль, и вернулся в гостевую спальню, где он спал или пытался уснуть. Джеймс включил ноутбук и запустил браузер. Ему следовало бы заглянуть на сайт поиска коммерческой недвижимости. Но ради чего? У него не было никакого желания писать картины, а если не писать, то и нечего выставлять и продавать. Следовательно, он должен найти работу. На жизнь им пока хватит денег от продажи доли в «Донато Энтерпрайзес», но они когда-нибудь закончатся.

Джеймс зашел на сайт поиска работы и уставился на главную страницу. Он вышел из Стэнфордского университета с двумя степенями, по финансам и истории искусства. Так как отец ждал, чтобы он занялся семейным импорто-экспортным бизнесом, Джеймс выучил испанский. Благодаря опыту в «Донато» у него более чем достаточная квалификация, чтобы претендовать на высокие управленческие должности. Он мог получить диплом, дающий право преподавать искусство в старших классах школы или в колледже.

Обе идеи показались ему в высшей степени непривлекательными.

Джеймс открыл новое окно браузера и обнаружил, что смотрит на спутниковое изображение Лос-Гатоса. У него два сына, которых надо растить, ему нужно найти работу, он хочет купить новый дом, и определенно нужно сменить машину. Ему по-настоящему нужно снова заняться живописью. Но у него нет ни малейшего желания заняться чем-то другим вместо того, чтобы разглядывать тот дом, который когда-то принадлежал им с Эйми. Он уже не в первый раз рассматривал этот дом, бунгало с тремя спальнями и двумя ванными комнатами в самом центре города. И Джеймс сомневался, что делает это в последний раз.

Он увеличивал снимок до тех пор, пока линия крыши не заполнила экран. Джеймс не узнал машину на подъездной дорожке. Платаны на заднем дворе слишком сильно разрослись, трава сгорела на солнце. Его указательный палец беспорядочно постукивал по краю ноутбука. Ему не понравилось плохое состояние двора, и он гадал, не постигла ли та же участь дом внутри.

В этом доме они с Эйми собирались растить своих детей. У них были масштабные планы по расширению – достроить второй этаж и сделать пристройку сзади. Предполагалось, что с годами они будут любить друг друга сильнее и состарятся вместе. Вместо этого она вышла замуж за другого мужчину, и теперь у нее дочь.

«Как она назвала свою малышку?»

Джеймс выругался про себя и захлопнул крышку ноутбука.

Слава богу, Эйми больше не жила там. Он не знал, как реагировать на то, что она с другим мужчиной. Но, черт подери, он чувствовал себя как преследователь, когда искал с помощью Google ее или ее дом. Или ее кафе. Джеймс не мог с этим справиться. Тот же голод, который заставлял его писать картины, теперь заставлял узнавать об Эйми все, что только возможно.

Он не заслужил ее, и в самой глубине души понимал, что должен положить конец этой одержимости ею. Но и с этим он не мог справиться. Джеймс хотел, чтобы она вернулась, ему нужно было, чтобы она вернулась, точно так же, как нужен был воздух, чтобы дышать.

* * *

После утренней прогулки с сыновьями по заповеднику за домом, Джеймс оказался на тротуаре у «Кафе Эйми». Он не собирался заходить туда, но ближайшее свободное место для парковки было через три дома, а мальчики проголодались. Вернее, они умирали от голода, как уточнил Марк во время их экскурсии. Время завтрака давно миновало.

Над головой скрипнула вывеска, и Джеймс поднял глаза. Он мгновенно узнал логотип. Кофейная кружка под похожим на торнадо завитком пара. Джеймс сам набросал его, примитивный рисунок, далекий от того, что он мог бы придумать. Но ему хотелось подогреть интерес Эйми к открытию собственного ресторана, тогда как сам планировал открыть художественную галерею. В то время они оба работали на своих родителей. Джеймсу даже в голову не приходило, что Эйми использует этот простой набросок, но это глубоко тронуло его. Как будто она вплетала частицы Джеймса в свои мечты.

Одетый в мятую рубашку, шорты-чино и шлепанцы, Джулиан провел рукой по лицу и заглянул через стекло.

– Выглядит хорошо. Давайте поедим здесь, – сказал он по-испански, откровенно игнорируя просьбу Джеймса говорить по-английски. Занятия в школе начинались через два месяца, поэтому детям следовало привыкать постоянно говорить на английском.

– Нет, – отрезал Джеймс. Было позднее утро, и он тоже хотел есть. Но в это кафе он не войдет ни при каких обстоятельствах.

Джулиан насупился и закрыл уши своими вечными наушниками.

– Я есть хочу, – захныкал Марк на английском с сильным акцентом.

– Я тоже, приятель. – Джеймс потянулся к руке Марка и едва не споткнулся от удивления, когда крошечная ручка сына вцепилась в его пальцы.

– Я не вижу отсюда меню. – Джулиан проскользнул внутрь.

– Джулиан!

Марк вырвал руку и поспешил за братом.

Джеймс выругался, посмотрел вдоль улицы на ресторанчик, в который планировал отвести мальчишек. «И что теперь?» Ждать ли ему здесь, на тротуаре, как идиоту, и надеяться, что дети вернуться, когда поймут, что он не пошел за ними? Или наплевать на все и зайти?

Через окно он увидел, как Джулиан делает заказ.

– Вот дерьмо!

Ничего не поделаешь.

Джеймс распахнул дверь. Колокольчики у него над головой заплясали, описывая широкую дугу и ударяясь о зеркало в деревянной раме. Головы повернулись в его сторону. То самое внимание, которого он не хотел. Он коротко кивнул присутствующим и застыл. Дальние стены украшали фотографии, надписи и картины. Его картины.

После всех этих лет Эйми сохранила их. Он смотрел на них, не моргая: сельские амбары у подножия холмов, луга, покрытые утренней росой и смотрящие на океан, леса, пронизанные солнцем, или лунный свет, отражающийся от водопадов в Йосемитском заповеднике. Джеймс шумно выпустил воздух, рука скользнула в передний карман, схватилась за помолвочное кольцо, словно утопающий за соломинку.

– Джеймс?

Сухожилия вокруг ушей напряглись при звуке его имени. Он медленно обернулся и оказался лицом к лицу с сильно беременной женщиной. Она смотрела на него так, словно он воскрес из мертвых. В каком-то смысле, так оно и было. Губы женщины дрогнули, она ахнула и отступила назад. Ее глаза расширились. Этот васильковый цвет он узнал бы где угодно.

– Кристен, – произнес Джеймс скрипучим голосом. Она была прежней и в то же время другой. За семь лет жена его лучшего друга стала более зрелой и красивой.

– Это ты. Это в самом деле ты. – Кристен бросилась ему на грудь и обняла так крепко, как только позволял ее большой живот.

Это было первое объятие за долгое-долгое время. Лицо Джеймса напряглось, пока он боролся с нахлынувшими эмоциями, и все же он сумел взять себя в руки. Он не ответил на объятие Кристен, а лишь неловко похлопал ее между лопатками.

Она отклонилась назад, чтобы посмотреть на него.

– Ник говорил мне, что ты возвращаешься домой, но я в это не поверила. Потом я так ждала, когда ты появишься. И вот ты здесь. – По ее щекам потекли слезы. Глупая улыбка широко растянула губы, и вдруг Кристен возбужденно

подпрыгнула. – Господи, ты здесь! – взвизгнула она.

Джеймс поморщился. Его взгляд метнулся в сторону кухонной двери, потом в коридор в задней части зала, потом вернулся к Кристен. Та по-прежнему подпрыгивала и визжала. Улыбка все-таки добралась до губ Джеймса. Нет, Кристен не слишком изменилась, если не считать живота. Он глупо уставился на ее живот:

– Ты беременна.

Она фыркнула:

– Опять. Я знаю.

Ник однажды приезжал к нему в Пуэрто-Эскондидо. Когда он не смог дозвониться до Эйми, он позвонил Томасу. Номер Ника был третьим телефоном, который набрал Джеймс. Ему нужно было услышать от Ника, что все, сказанное Томасом, правда. Он был бы только рад, если бы это оказалось ложью, в отличие от всех тех выдумок, которыми Томас кормил его долгие годы. Но то, что его бросили в Мексике, оказалось абсолютной чудовищной правдой. Ник подтвердил это одной отрезвляющей фразой: «Да, все это так».

Через несколько дней Ник уже был у Джеймса в Мексике и рассказал о том, что произошло за те шесть с половиной лет, который выпали из его жизни. Джеймс узнал об Эйми, о том, что она продолжала его искать, потом нашла, но только для того, чтобы отпустить и позволить ему коротать свою жизнь в роли Карлоса. Ник тогда усадил Джеймса, потому что он мерил шагами гостиную, словно сумасшедший, запертый в тюремной камере, и сообщил холодные, суровые факты об Эйми. Она любит другого мужчину. Она замужем, и у нее дочь. Из всех новостей, которые услышал Джеймс, именно эта разбила ему сердце. Она едва не уничтожила его.

Джеймс швырнул в стену стакан с виски, и он разлетелся на серебристые осколки, как и его сердце.

И вот теперь жена Ника беременна третьим ребенком.

Кристен провела рукой по животу и скорчила гримасу:

– Еще четыре месяца ходить.

– Ты хорошо выглядишь, – честно сказал ей Джеймс.

– Ты тоже, – ответила она. Ее неудержимое веселье испарилось. – Рада тебя видеть. Я никогда не думала...

На кухне звякнули кастрюли. Оттуда донеслись голоса, привлекая его внимание. Сердце Джеймса забилось быстрее.

– Она...? – Он с тревогой посмотрел на Кристен. – Она здесь?

Та покачала головой:

– Она сегодня утром не приходила.

Джеймс шумно сглотнул. Эйми тут нет, и это к лучшему. При свидании с ней аудитория ему не нужна.

Джеймс почувствовал, что его тянут за подол рубашки. Он посмотрел вниз, на Марка.

– Можно мне пончик, пожалуйста?

– Мы не будем здесь есть, Марк.

– Вам что-то еще, сэр? – крикнула Джеймсу кассирша. Его старший сын, стоявший первым в очереди к кассе, с вызовом посмотрел на отца.

– Джулиан! – рявкнул Джеймс. Не едят они тут, как же. Он свирепо посмотрел на сына.

– Что? Я есть хочу. – Джулиан поднял руки, молча спрашивая, в чем проблема. На его лице появилось выражение показной невинности, когда он проходил мимо

отца и Кристен. Брови Кристен взлетели почти к самым волосам, собранным в «конский хвост», а Джулиан миновал паутину беспорядочно расставленных столиков и плюхнулся на свободный стул.

Кирстен фыркнула:

– Я смотрю, не у одной меня рук не хватает.

Джеймс заворчал, но уголок его рта пополз вверх. У них нашлось кое-что общее. Они были родителями.

– Почему бы вам не присоединиться к нам? Мы только что сели. – Она указала на столик неподалеку от Джулиана, за которым малышка в высоком стульчике с удовольствием ела овсянку. Еще одна девочка с испачканными джемом губами стояла на стуле и напевала.

– Сядь, Николь, – приказала Кристен.

Девочка села.

– Я рада, что этот будет мальчиком. – Она похлопала себя по животу.

– С мальчиками не намного легче, – признался Джеймс, думая о кругах, которые нарезали вокруг него Джулиан и Марк.

Кристен вздохнула.

– Они просто другие, насколько я понимаю, верно? – Она махнула головой в сторону кассы. – Иди, сделай заказ, и садитесь за наш столик.

Марк разглядывал столики. Джеймс подтолкнул его в сторону Джулиана.

– Садись с братом. Я принесу тебе пончик.

У прилавка Джеймс изучил меню и заказал кофе и омлет. Триш, как было написано на ее бейдже, стилизованном под меловую доску, повторила заказ. У

Джеймса в горле поднялся гнев, когда она перечислила все заказанные блюда.

– С вас девяносто пять пятьдесят, – подвела она итог.

Джулиан заказал столько, что им троим хватило бы на завтрак, обед и ужин. Джеймс выудил бумажник из заднего кармана и расплатился картой. «Выбирай свои битвы, мужик. Выбирай свои битвы».

– Мы съедим здесь омлет, пончик и оладьи, остальное возьмем с собой.

– Конечно, сэр. – Триш улыбнулась и протянула ему чек.

Джеймс не стал звать мальчиков за столик Кристен, куда сел сам. Пусть едят одни. Пусть воспользуются этой краткой передышкой после последних двух дней.

Кристен передала старшей дочке салфетку.

– Николь, поздоровайся с мистером Донато. Он – друг папочки.

– Здласти, – с набитым ртом произнесла девочка и помахала перепачканными джемом руками.

Джеймс помахал ей в ответ. Николь была точной копией своей матери, которую он знал с юности. К тому моменту, когда Триш принесла напитки – обычный кофе для Джеймса и две гигантские кружки горячего шоколада с горой взбитых сливок для мальчиков, – он узнал, что младшую дочку Кристен зовут Хлои, они коротко поговорили о детях, об их возрасте и любимых занятиях. На большую бумажную салфетку Джеймса Триш поставила большую чашку мексиканского кофе[10 - Мексиканский кофе – алкогольный напиток на основе эспresso (эспresso, текила, ликер калуа, взбитые сливки).].

– Это, должно быть, шутка? – пробормотал Джеймс.

Кристен подалась к нему, сотрясаясь от молчаливого хохота.

Джеймс посмотрел на нее.

– Я этого не просил, – признался он, не думая о более глубоком смысле этих слов.

Кристен оперлась подбородком на руку:

– Я знаю, что ты не просил. Но иногда самый лучший подарок в жизни – тот, о котором мы не знали, что он нам нужен.

Джеймс посмотрел на сыновей. У обоих были усы из взбитых сливок. Он хохотнул – звук завибрировал в груди – и почувствовал, что настроение немного улучшилось.

– Итак, какие у тебя планы? – спросила Кристен, возвращая его внимание к их столику.

Джеймс сделал глоток из кружки:

– Мои планы?

– Ну, чем будешь зарабатывать на жизнь, в какую школу пойдут дети, где будешь жить? – Она сделала широкий жест рукой, приглашая Джеймса рассказать.

– Ты хочешь услышать историю моей жизни?

– Да, а как только мы покончим с завтраком, я позвоню Наде. На этой неделе она по делам в контактном центре SoCall, но ей захочется все узнать.

Надя была тем клеем, на котором держалось трио Эйми-Надя-Кристен. Джеймс смотрел на пар, поднимающийся от его кружки, обдумывая вопросы Кристен.

– Ты собираешься позвонить и Эйми?

Она ответила не сразу:

– Не уверена. У нее сейчас трудное время, Джеймс. Она любит Яна, и они очень счастливы вместе. Но как только она узнает, что ты – это снова ты, прошлое вернется. – Кристен скомкала грязную салфетку Николь и уставилась на смятую бумагу так, словно в ней были все ответы. – Вам обоим придется решить, как двигаться дальше по разным дорогам.

* * *

Когда Джеймс доел, они договорились о новой встрече. Кристен пригласила их в выходные на барбекю в свой дом с бассейном. Возвращаясь домой, Джеймс объехал город. Он показал мальчикам школу, в которую они будут ходить, местный скейт-парк, полный ребятишек возраста Джулиана. Старший сын выпрямился, чтобы все хорошо рассмотреть через пассажирское окно. Джеймс мысленно отметил, что надо купить скейтборд. Джулиан занимался сёрфингом, возможно, скейтборд ему тоже понравится.

Домой они приехали уже после полудня. Когда Джеймс закрыл за собой входную дверь, они почувствовали аромат бекона и поджаренного хлеба. Мальчики подняли носы и втянули воздух. Джулиан сморщился от запаха яиц вкрутую и уксуса.

Несколько секунд Джеймс и Джулиан встревоженно смотрели друг на друга. В доме кто-то был.

Джеймс поставил на пол пакет с едой.

– Оставайтесь здесь, – приказал он мальчикам и осторожно пошел по дому. Под мышками повлажнело от пота. Неужели Фила уже выпустили? Томас сказал, что у него есть еще шесть дней, это Джеймс точно помнил. Теперь осталось пять, так как разговор был вчера. Джеймс стиснул кулаки. Проклятье, ему пригодилась бы бейсбольная бита или ружье. Рубец на бедре запульсировал.

Джеймс обогнул угол коридора, за которым находилась кухня, и встал как вкопанный. Потом заморгал, пока мозг пытался осознать увиденное. У кухонного островка с мраморной столешницей его мать Клэр резала яйца.

– Что ты здесь делаешь? – Джеймсу следовало бы сиять от радости, ведь он впервые увидел ее после многих лет. Любой хороший сын обрадовался бы. Но он не был хорошим сыном, и Клэр никогда не была самой доброй из матерей.

Ему, в самом деле, нужно сменить замки, чтобы ни один из членов семьи уже точно не смог появиться без предупреждения.

Клэр отложила в сторону нож и критически посмотрела на Джеймса. Он не побрился утром, неглаженная рубашка не была заправлена в шорты. Незачем было спрашивать, прошел он осмотр или нет. Ответ Джеймс прочел на худощавом лице матери. Она постучала пальцем по подбородку, давая понять, что сыну следовало привести себя в порядок перед тем, как выйти из дома.

Ему тридцать шесть лет, плакать он не станет. Ей не удастся заставить его чувствовать вину за то, как он выглядит. Он и без того уже плавает в выгребной яме вины.

– Что все это значит? – Джеймс ладонью указал на еду.

– Я приготовила ланч, – ответила мать, аккуратно стряхивая крошки с рук. – Добро пожаловать домой, Джеймс.

Он услышал, как у него за спиной в кухню вошли мальчики. Марк взвизгнул. Джулиан вытаращил глаза, а потом на его лице появилась улыбка, первая с того момента, как они приземлились в Калифорнии. Его лицо просияло:

– Сеньора Карла, что вы здесь делаете?

Глава 6

Карлос

Пять лет назад

17 июня

Пуэрто-Эскондидо, Мексика

Маркус опрокинул ведро себе на голову, взвизгнул и начал брыкаться пухлыми ножками, когда песок побежал по его голому тельцу, местами прилипая к намазанной солнцезащитным средством коже. Я добавил еще одну башню к замку, который строил, а Маркус был решительно настроен разрушать. Он замахал руками и сломал еще одну стену.

– Маркус! – Я схватил его под мышки и посадил подальше от нашего шедевра из песка. Я вручил ему ведерко и совок. – Давай, разрушай свой собственный замок.

Малыш улыбнулся и сунул горсть песка в рот.

– Не ешь это. – Я схватил сына за запястье и провел пальцами по его языку.

Маркус начал жевать, и я услышал хруст жестких гранул. Его лицо сморщилось, словно лист бумаги, карие глаза расширились, и сын посмотрел на меня, ничего не понимая.

– Видишь, что бывает, когда ешь песок?

Малыш издал «пукающий» звук. Из уголков его рта потекла слюна с песком.

Я фыркнул и вернулся к замку из песка, намереваясь восстановить стену, которую только что разрушил Маркус. Недалеко от входа на задний двор Джулиан играл в футбол с двумя своими приятелями, Антонио и Гектором. Он удачно не попал в нашу новую соседку, расположившуюся под зонтом от солнца, который она с большим трудом поставила на песке около получаса назад. Я закончил стену, добавил еще одну башню и начал искать свой телефон в куче наших полотенец. Наталия ждала фото последнего замка из песка, построенного Маркусом.

Я видел, как Джулиан отобрал мяч у Гектора и ударил по нему. Это был красивый пас. Мяч пролетел над головой Антонио и приземлился в самом центре зонта нашей соседки. Зонт упал, похоронив под собой владелицу. Она

завизжала.

– Santa mierda[11 - Вот дерьмо (исп.)], – выругался Антонио.

Из-под зонта показались бледные ноги. Они колотили по земле с такой скоростью, будто работала взбивалка для яиц.

– Помогите!

Джулиан в ужасе замер.

Я подхватил Маркуса на руки.

– Помоги ей выбраться, – крикнул я Джулиану.

– Ох, сейчас, – ответил он, стряхивая с себя удивление. Он по моему настоянию говорил по-английски. Судя по крикам, доносившимся из-под зонта, наша соседка была американкой.

Я усадил Маркуса на песок и строго велел не двигаться.

– Снимите его с меня, снимите! – Ноги били по песку со всей силой. Показалась рука.

Я посмотрел на Гектора и Антонио:

– Беритесь за стойку. – Я обошел женщину и приподнял верхнюю часть зонта. – А теперь поднимайте.

Я закрыл купол, чтобы алюминиевые спицы не зацепились за ее волосы или одежду. Мы оттащили поврежденный зонт в сторону и бросили его на песок.

Наша соседка лежала в опрокинувшемся пляжном шезлонге. Его ножки утонули в песке. Женщина сняла широкополую шляпу, сползшую на глаза, и откинула назад влажные серебристые волосы, прилипшие к лицу. Тяжело дыша, с раскрасневшимся лицом она указала на Джулиана костлявым пальцем с ногтем

каштанового цвета:

– Ты... – начала она, наклоняясь вперед. Ее шезлонг покачнулся, и она обеими руками вцепилась в поручни.

Джулиан покачивался на пятках. Он провел рукой по мокрой от пота, покрытой песком голове, еще раз переступил с ноги на ногу и опять провел рукой по волосам. Густые короткие волосы встали дыбом.

– Lo siento, se?ora. – Его взгляд метнулся ко мне, потом опустился на собственные ноги. – Простите, леди, – повторил он по-английски.

– Еще бы ты не извинился. – Женщина выбралась из шезлонга и встала, возвышаясь над ним. – Я собиралась заорать: «Фантастический удар», – но тебе следует лучше целиться.

– S?, se?ora. То есть да, леди. – Джулиан вытер руку о грудь, оставляя песчаный след. Он стряхнул песок, расцарапав кожу.

Я схватил Джулиана за запястье и сурово посмотрел на него, чтобы он перестал суетиться.

Наша соседка разгладила свою тунику с узором «огурцами». Цвета сплетались в круговороте на прозрачной ткани. Золотые блески украшали края рукавов и подол, сверкая на солнце.

– Судя по всему, я осталась без зонта, – констатировала соседка, оборачиваясь на сломанную конструкцию. Потом прищурилась от солнца. Оно было ослепительным, а воздух – сухим и душным. По моей груди и спине тек пот. На лице у нашей соседки тоже блестели капельки пота. Джулиан и его друзья переминались с ноги на ногу, потому что песок обжигал им ступни.

– Что ж, – наша соседка стряхнула песок с ладоней, – думаю, мне лучше уйти в дом, пока я не сгорела.

– Мы купим вам другой зонт, – предложил я, мои глаза сузились, когда я посмотрел на Джулиана. Придется ему провести следующие субботние утра,

помогая Пиа, администратору моей галереи. Полы подметать, с экспонатов сметать пыль.

Джулиан пробормотал еще одно извинение.

Губы нашей соседки превратились в ниточки.

– В этом нет необходимости. Но, – она посмотрела на команду футболистов, постукивая пальцем по подбородку, – пусть твой сын и его друзья помогут мне отнести в дом шезлонг и сумку.

Я радостно согласился. Это было наименьшее, что они могли сделать.

– Мальчики? – поторопил я, когда ни один из них не двинулся с места.

– У меня есть лимонад, и я купила немного... Как вы их называете? – Она щелкнула пальцами. – Biscochitos, s?? Кажется, печенье называется именно так. Я вас с удовольствием угощу.

– S?, se?ora, – хором ответили ребята. Они собрали вещи – шезлонг, сумку и полотенце – и побежали к ней во двор.

Я подхватил Маркуса, который как раз втирал песок себе в волосы.

– Кстати, я – Карлос, ваш сосед. – Я кивком указал на свой дом и протянул руку для пожатия. Соседка не приняла ее, потому что не заметила. Она не сводила глаз с Маркуса. Ее глаза заблестели. Я подумал, есть ли у нее внуки. Потом понял, что солнце сияло у меня за спиной. Я переместился немного, чтобы никому из нас не пришлось смотреть прямо на него.

Соседка несколько раз моргнула, на мгновение перевела взгляд на меня, потом снова посмотрела на Маркуса.

– Я Кл... – Она кашлянула. – Я – Карла. Это твой сын?

– S?. Его зовут Маркус. – Я покачал его, и он хихикнул.

– Mas! Mas![12 - Еще! Еще! (исп.)] – Малыш захлопал в ладоши, требуя покачать его еще.

Карла сложила руки на груди и сцепила пальцы.

– Сколько ему?

– Почти семнадцать месяцев. – Я посмотрел на Маркуса, махавшего Карле обеими руками. – Думаю, вы ему понравились.

Уголок ее рта чуть приподнялся:

– Он мне тоже нравится.

Маркус завертелся у меня на руках:

– Por favor, рара![13 - Пожалуйста, папа! (исп.)]

Карла засмеялась, и ее улыбка стала шире:

– Рара.

Она смотрела, как сын вертится у меня на руках. Ее глаза повлажнели, и она уставилась на песок.

– Ах, мне пора идти. – Карла вытерла ладони о бедра. – Твой сын и его друзья ждут угощения.

– Рад был с вами познакомиться. – Я снова протянул ей руку. На этот раз она ее пожала.

– Я тоже рада, Карлос, – сказала она. Ей явно было одиноко.

– Сеньора Карла, – окликнул я, когда она уже была у калитки. – Не хотите завтра вечером поужинать с нами? У нас вечер тако. Я приготовлю на углях зубатого терпуга.

Ее пальцы затеребили вырез туники:

– Я... я собиралась поужинать в ресторане.

– Если ваши планы изменятся, просто заходите к нам. В шесть часов.

Она подняла руку, как будто хотела помахать, и скрылась в своем дворе.

– Идем, Маркус. Давай-ка мы тебя вымоем.

Пять лет назад

18 июля

Солнце низко опустилось, подгоняя сухой бриз. От него было чуть полегче, мы с Джулианом играли в футбол на заднем дворе. С каждым ответным ударом Джулиан все больше приближался к барбекю.

– Осторожнее! Здесь горячо. – Я отбросил мяч в дальний угол двора, подальше от гриля. Мяч остановился около калитки на пляж. Я подошел проверить гриль.

Джулиан довел кожаный мяч до середины двора, затем отвел ногу назад и со всей силы ударил по нему. Мяч взлетел в воздух, перелетел через кирпичную ограду и упал во дворе сеньоры Карлы. Джулиан театрально застонал.

– Иди и забери мяч, пока сеньора Карла не вернулась, – сказал я, уверенный в том, что соседка ушла ужинать, как и планировала.

Джулиан метнулся через нашу калитку и побежал к соседской. Я дочиста отскреб решетку и закрыл крышку, чтобы гриль нагрелся еще немного.

– Готов есть тако, малыш? – спросил я Маркуса, толкавшего по траве игрушечный грузовик.

– Un taco!

– Скажи «я хочу тако».

– Тако! – повторил он, сияя улыбкой.

– Почти похоже. – Я улыбнулся в ответ.

С мячом под мышкой вернулся Джулиан. Он придержал калитку для Карлы.

– Эта дама сидела у себя во дворе совершенно одна, – выпалил он и захлопнул калитку. Карла вздрогнула, посмотрела на мальчика, и тот улыбнулся. – Я сказал, что она может поесть с нами.

Он подбросил мяч и ударом ноги отправил его через двор, где он остался лежать в грязи.

Карла остановилась у калитки и даже потянулась к ней, но потом ее рука взлетела вверх и пригладила волосы. Волосы цвета шифера она собрала в «хвост» на затылке, добавив элегантный акцент к белым льняным брюкам и светло-розовой блузке. Ей явно было неловко, она решила уйти и снова открыла калитку.

Я отложил в сторону кисточку для гриля и быстро прошел через двор.

– Вы останетесь на ужин?

– Я собиралась выйти, но... – Ее взгляд упирался мне в грудь, пальцы обхватили кованное железо.

– Но что? – Я вгляделся в ее лицо, пытаюсь понять, почему она не может решиться присоединиться к нам.

Карла на мгновение помрачнела, лицо стало печальным. Потом она справилась с собой и подняла подбородок. Но не посмотрела мне в глаза.

– Мои планы рухнули. – Она едва заметно улыбнулась.

– Тогда оставайтесь, – не отступал я. – Рыбы у нас более чем достаточно.

Я осторожно закрыл калитку, но тут до меня вдруг дошло, что ее неохота может быть никак не связана с тем, что она смущена рухнувшими планами, или с тем, что мы толком не знакомы.

– У вас аллергия?

– На рыбу? Нет. Я люблю рыбу. – Она стиснула руки.

– Тогда вам понравятся наши тако с рыбой. Они el mundo famoso[14 - Знамениты на весь мир (исп.).]. – Я провел ее через двор и отодвинул стул от стола в патио. – Выпьете что-нибудь?

– S?. – Она села.

Я улыбнулся, рассматривая ее.

– Держу пари, текилу вы не пьете. – Я постучал пальцем по носу и указал на нее. – Джин.

Карла еле слышно ахнула.

Я хлопнул в ладоши.

– Значит, джин. Джин с тоником уже в пути. – Я помахал пальцем, уходя в дом. – Как насчет лайма? – крикнул я через раздвижную дверь кухни.

– Звучит заманчиво.

– Джулиан, принеси чипсы и сальсу.

Я смешал для нее коктейль, взял себе пиво и отправился жарить рыбу, пока Карла присматривала за детьми.

– Что привело вас в Пуэрто-Эскондидо?

Она поболтала в стакане палочкой для коктейля.

– Я здесь никогда не бывала.

– А вы много где побывали? – Джулиан бросил в рот чипс, густо намазанный сальсой, и громко раскусил его.

Карла нахмурилась:

– Да, много.

– Вы много путешествуете? – спросил Джулиан с набитым ртом.

Глаза гостыи сузились, и я, поймав взгляд Джулиана, указал на свой рот. Мальчик громко сглотнул.

– Вы много путешествуете? – повторил он свой вопрос.

Карла поставила стакан на стол.

– Раньше много путешествовала.

– Правда? А где вы побывали?

Я проверил готовность рыбы. Мне и самому было любопытно.

– В самых разных местах. – Карла мечтательно вздохнула. – В Италии, во Франции, в Англии, а еще я побывала в Гонконге, Токио и Санкт-Петербурге.

– Где это?

– В России.

Джулиан присвистнул.

– Бизнес или развлечения? – спросил я, снимая рыбу с гриля.

– В основном бизнес. Но эта поездка... – Карла вытащила из стакана палочку и выдавила в стакан лайм. – Эта поездка только для души. Я пробуду здесь все лето.

– Гм-м. – Уголки моих губ опустились, я обдумывал ее слова. Как правило, в летние месяцы соседний дом снимала целая череда иностранцев. Сёрферы, отдыхающие, выпускники колледжей, путешествовавшие по Центральной и Южной Америке, прежде чем вернуться домой и заняться карьерой. По крайней мере, один раз в неделю я подавал жалобу на шум. Бесконечные вечеринки не давали моим сыновьям спать. Вряд ли у нас возникнут подобные проблемы с Карлой.

Я поставил блюдо с рыбой на стол между лепешками и капустой. Карла сдвинула в сторону свой стакан, и на ее руке блеснуло обручальное кольцо, отражая свет заходящего солнца.

– Муж к вам присоединится?

Карла моргнула, непонимающе посмотрела на меня. Я указал щипцами на ее обручальное кольцо.

– О! – Она растопырила пальцы и уставилась на него. – Я всегда забываю, что оно здесь. Нет-нет, он не приедет. Муж умер несколько лет назад. Кольцо я ношу уже несколько десятилетий. Нет смысла снимать его только потому, что я овдовела. – Карла положила руку на колено. – Я не ищу встречи с другим мужчиной.

– Никогда не знаешь, – заметил Джулиан, сооружая себе тако. – Вы старая, но не настолько.

– Джулиан! – Я с грохотом опустил щипцы.

Он пожал плечами:

– Она все еще красивая.

– Джулиан! – прошипел я шепотом.

Щеки Карлы покраснели, и она неловко поерзала в кресле.

– Ему шесть с половиной, – объяснил я Карле, как будто возраст мог служить извинением. Я протянул ей тарелку и свирепо посмотрел на сына. – Извинись, пожалуйста.

– Простите, – пробормотал Джулиан, плюхнулся в кресло и сунул в рот чипсы.

К нам приковылял Маркус и привлек внимание Карлы.

– Сын у тебя красавец. И похож на тебя, – сказала она.

Я посмотрел на малыша. У него были мои карие глаза и темные волосы, но линию скул и оттенок кожи он унаследовал от матери.

У меня перехватило дыхание, но уже не так сильно, как это бывало в прошлом, когда я думал о Ракели. Со дня ее смерти прошло уже почти полтора года.

Маркус поднял обе руки. Я посадил его на высокий стульчик.

– А у вас, сеньора Карла, есть дети?

Она не сводила с Маркуса глаз. Ее лицо стало печальным.

– У меня было три сына. Когда-то.

* * *

Позднее тем же вечером я смотрел на наше с Ракель фото, то самое, которое я держал на письменном столе в своей комнате. Наши лбы и носы соприкасались, мы вместе над чем-то смеялись. Я не помнил, над чем именно, но «сухой» юмор

Ракели часто заставлял меня корчиться и плакать от хохота. Смех, пусть и на короткое время, рассеивал тени, появлявшиеся в дальних закоулках моего мозга.

Мы только что поженились в патио гостиницы «Каса-дель-Соль», выходящем на дикий пляж Сикатела. Наша любовь была такой же. Быстрой и динамичной. Я часто задавался вопросом, влюбился бы я так глубоко и быстро, если бы не был напуган и сломлен. Но я полюбил ее с той самой минуты, когда она вошла в кабинет физиотерапии. Она убрала волосы за ухо – я заметил мочку без украшений – и протянула руку для приветствия, назвав себя. Это первое прикосновение сняло верхний слой тревоги, от которой мое сердце мчалось галопом с того самого времени, когда я месяц назад очнулся в больнице. Стремительное движение воздуха покинуло меня, и я почувствовал осторожные намеки надежды. Со мной все будет в порядке.

За несколько мгновений ей удалось вытащить меня из угрюмости и из кресла с такой решимостью, которой я сразу позавидовал и которую быстро перенял. Если я не могу наладить работу своего мозга, то надо сосредоточиться на всем том, что есть внутри меня, чтобы восстановить тело.

Мои раны были по большей части поверхностными. Кости лица срослись, порезы зажили, оставив после себя только розоватые шрамы. Вскоре и моему плечу станет лучше. Судя по состоянию моего тела, в первый же день сказала Ракель, я всю свою жизнь занимался спортом. Чем я занимался, я понятия не имел, но через четыре месяца я пробежал 10 км. Я тренировался для марафона, когда появилась Эйми и перевернула мой мир с ног на голову. В день забега, спустя неделю после ее отъезда, я мучился похмельем и погружался в самоуничтожение и горе, поэтому встал с постели через несколько часов после того, как прозвучал выстрел стартового пистолета.

Я провел большим пальцем по стеклу, следуя по линиям свободной высокой прически Ракели, украшенной веточками гипсофилы. Золотисто-каштановые пряди, глаза цвета меда, она выглядела ослепительно. Одета в белое шелковое платье со свободной талией, скрывавшее ее беременность, она излучала счастье. Я утонул в этой радости. Ракель была ярким светом, маяком в моем темном мире.

Я тосковал по покойной жене и этим вечером сильнее, чем в последние месяцы. Но мне всегда ее не хватало, когда я укладывал мальчиков спать. Иногда я

видел ее рядом, она сидела на краю кровати, а ее длинные изящные пальцы порхали по лицу Джулиана, когда она пела колыбельную. В этот вечер иллюзия казалась почти реальной, я мог бы поклясться, что слышал ее голос. Как часто мне хотелось, чтобы у Маркуса был шанс услышать, как она говорит ему: «Я люблю тебя».

Она умерла сразу после родов от разрыва аневризмы, а я смотрел на своего новорожденного сына, только что вымытого и спеленатого, кричавшего у меня на руках. Мы оба плакали.

Я вернул фотографию на письменный стол и подумал о Карле. Ее горе из-за потери любимых – как она их потеряла, я еще не знал, – было ощутимым. Я его почувствовал.

Воздух в моей комнате стал жарким и душным. Я включил вентилятор под потолком, взял мобильный с прикроватного столика и открыл дверь на террасу, прилегавшую к моей спальне. Доски закрипели, когда я прошел по грубому дереву. Прислонившись к перилам, я смахнул с экрана сообщение от Имельды – «Пожалуйста, зайди ко мне после закрытия в понедельник» – и набрал номер Наталии.

– Привет, – пробормотала она. Приглушенная мягкость ее голоса нахлынула на меня, облегчая пустоту. Ее голос успокаивал и утешал.

– Я разбудил тебя?

– Все в порядке. – Она зевнула. – Я заснула на диване.

Зашуршала ткань, звякнул замок, распахнулась дверь. Заскрипело дерево, и Наталия вздохнула. Я представил, как она садится в кресло в патио и смотрит на тот же океан, который раскинулся передо мной, но в тысячах миль от меня.

Я оперся локтями о перила.

– Долгий день? – У нас была полночь, на Гавайях – семь утра.

Наталия утвердительно хмыкнула.

– Я ходила на байдарке с Кэти и ее учениками, – сказала она. Кэти, ее подруга, управляла летним лагерем для байдарочников и сёрфингистов в Ханалеи. – Мы все время боролись с ветром. Хотя закат был невероятным. Как будто шарик апельсинового мороженого таял в воде.

Уголок моего рта приподнялся:

– Теперь мне остро захотелось мороженого.

Наталия негромко рассмеялась:

– Мне тоже. Какой вкус?

– С шоколадной крошкой.

Наталия застонала:

– Это так скучно.

– А ты что предлагаешь?

– Пои[15 - Пои – гавайское кушанье из корня таро.].

– Пои?

Она снова хмыкнула.

– Как в корне таро?

– Да. – Наталия рассмеялась.

Я скорчил гримасу:

– Звучит отвратительно.

– Ради такого можно и умереть. Ты обязательно должен попробовать.

Я возмущенно фыркнул. «Когда?» – подумал я. Здесь такое мороженое не делают, а я никуда не поеду. Последние полгода я отказывался покидать Оахаку.

Под лунным светом волны лизали берег, словно собачий язык – воду в миске. Лениво и ритмично.

– Я не хотела намекать...

– Нат, не надо. – Я сжал переносицу. – Не извиняйся.

Она терпеть не могла напоминать мне о моем состоянии. Несколько мгновений мы оба молчали. Мы слышали ритм нашего дыхания, и мне отчаянно хотелось, чтобы она была рядом.

Наталия вздохнула:

– Ты позвонил не для того, чтобы болтать о мороженом, о чем ты хотел поговорить?

Мне так много нужно было сказать ей и попросить о еще большем, но слова испарились, как вода с горячего тротуара.

– Ничего особенного, – ответил я, – мне просто захотелось услышать твой голос.

Ее горловой смех коснулся моего уха:

– Я зануда, знаю.

– Мне пора тебя отпустить. Во сколько у тебя рейс?

– Слишком рано, – простонала Наталия. – И у меня всю вторую половину дня встречи в Лос-Анджелесе. Увидимся через несколько дней?

– Да, мы этого очень ждем.

Насколько я понимал ситуацию, Наталия была единственным средством выполнить обещание, которое я дал Ракели, когда в последний раз целовал ее безжизненное тело.

«Я обещаю, что дети будут в безопасности».

Пять лет назад

22 июня

В два часа сорок пять минут я нашел Имельду именно там, где рассчитывал: она работала за своим ноутбуком в «Ла-Пальма». Из ресторана на веранде гостиницы «Каса-дель-Соль» открывался лучший вид, чем из всех номеров отеля. Тихий океан расстилался до самого горизонта, и бриз, налетавший с воды и шевеливший листья окружающих пальм, всегда был приятным. В такие дни, как сегодня, когда в воздухе пахло древесным дымом, а от жары начинали потрескивать брови, моя рубашка к полудню обычно промокала от пота. На свободной рубашке небесно-голубого цвета, в которую я переоделся всего лишь час назад, уже появилось пятно пота на спине, в том месте, где я прижимался к кожаному сиденью автомобиля.

Имельда каждый день обедала в «Ла-Пальма». В одно и то же время и за одним и тем же столиком. Она часами сидела за едой, встречалась со служащими и работала с таблицами. Я доверял Имельде не больше, чем Томасу, то есть мое доверие приближалось к нулевой отметке. Никакого доверия. Но в одном я мог на нее положиться, это было ее расписание. Ему Имельда никогда не изменяла.

Я прошел через лабиринт столиков и встал напротив нее, спиной к океану. Она быстро печатала на ноутбуке, в ухе Bluetooth, брови сведены. Имельда была в белой шелковой блузке и одной из своих суперпрямых облегающих серых юбок. Каждый день она надевала однотипный наряд, как и в тот день в больнице, когда она назвалась моей сестрой.

«Черт побери».

Вот так, я снова разозлился на нее.

Мои глаза были прикрыты линзами темных очков, и я посчитал про себя до десяти, глядя, как сёрфер исчезает на спуске с волны, потом постучал костяшками пальцев по столу, чтобы привлечь внимание Имельды. С этим пора покончить.

Она подняла глаза с выражением удивления и нетерпения. Потом ее глаза расширились.

– Карлос! Что ты здесь делаешь?

Имельда встала, схватив со стола шариковую ручку. Она перекатывала ее между пальцами и улыбалась.

– Я получил от тебя сообщение. Что такого важного ты не можешь сказать мне по телефону?

– S?, s?, конечно. – Она указала на кресло рядом со мной. – Садись, пожалуйста.

Я демонстративно посмотрел на часы, потом сел, расставив колени и положив локти на ручки кресла. Ноги дернулись.

Имельда вернулась на свое место, щелкнула ручкой.

– Как мальчики?

Мои глаза сузились, когда я посмотрел на эту ручку. Имельда держала в руке похожую ручку, раздражающе щелкая ею, когда объявила, что она не моя сестра, а я не Карлос. Между ее рыданиями и нервным щелканьем я мучительно долго вытаскивал из нее всю историю. Возможно, мне только показалось, или время действительно замедлилось, я не мог понять. Вся та неделя помнилась смутно.

Оглядываясь назад, я думаю, что всегда подозревал, что она что-то от меня скрывает. Редкие сны об Эйми и мое навязчивое желание написать ее лицо. Одно это могло бы стать достаточной причиной для того, чтобы понять, что что-

то не так. Я долго ни о чем не спрашивал, потому что восстанавливался после травм, влюбился в Ракель, заботился о сыновьях, жил обычной жизнью. Но это были лишь оправдания. На самом деле я боялся. И из-за этого испытывал еще большее отвращение к самому себе.

Я провел ладонью по влажному затылку.

– Мальчики отлично. Они гостят у семьи Силва.

Имельда прокрутила ручку, как пропеллер самолета. Ее губы приоткрылись. Имельде хотелось задать больше вопросов о мальчиках, но подошел официант. Он предложил меню.

Я отказался.

– Ты уверен? Диего готовит очень легкое восхитительное блюдо – севиче из морского языка с лимоном. Идеальный вариант для такого ужасно жаркого дня. – Она обмахнула шею папкой с документами.

Я покачал головой:

– Мне нужно уйти через двадцать минут. Через час приземляется самолет Нат. – Имельда отпустила официанта, и я удивленно посмотрел на нее. – Почему все-таки ты работаешь здесь?

Она пожала плечами:

– Привычка. Как поживает Наталия?

– Хорошо.

Она летела сюда по делам, но планировала остаться на несколько недель. Наталия всегда проводила летний отпуск с нами.

Имельда вздохнула, зная, что никаких деталей она от меня не узнает.

Официант вернулся с капучино, который она заказала еще до моего прихода. Он поставил чашку и блюдце рядом с ее ноутбуком, слегка поклонился и ушел. Имельда надорвала пакетик с тростниковым сахаром. Она подняла чашку, подула на пенку и отпила, проверяя температуру.

Я дернул коленом и постучал пальцами по подлокотнику.

– Томас подписал бумаги.

Я застыл.

– Когда?

Она сделала еще глоток и поставила чашку.

– Прошлой зимой. Дела в гостинице идут лучше, чем два года тому назад.

Это было частью ее сделки с Томасом. Она изображала мою сестру, пока я восстанавливался физически, и перехватывала любой интерес, который я проявлял к тому, чтобы узнать, кто я на самом деле. А Томас дал ей взаймы денег, но при условии, что его имя будет вписано в документы о собственности.

Имельда сохранила свою гостиницу, а я получил отличную няньку.

– Он до сих пор посылает тебе чеки? – Томас еще и платил ей.

– Да. Но я перестала обналичивать их больше года назад.

– Почему он продолжает их посылать?

Имельда отпила капучино.

– Думаю, из чувства вины. Он ненавидит себя за то, что сделал с тобой.

Я не знал этого наверняка. Я не говорил с ним с того момента, как он уехал из Пуэрто-Эскондидо, это было в декабре.

– Томас сейчас под следствием за инсценировку твоей смерти. Полагаю, твоя подруга Эйми сообщила о том, что ты жив, когда добивалась судебного запрета для него.

– Он сам рассказал тебе об этом?

Имельда вернула чашку на блюдце и взяла ручку.

– S?, мы все еще общаемся.

– После всего, что он сделал? – Я прикусил язык. Имельда щелкнула ручкой, и я выругался. – Томас продолжает следить за мной.

– Он заботится о тебе, Карлос.

– Мне на него наплевать. Он может сгнить в тюрьме, мне нет до этого дела.

Счастливое избавление.

– Томас не отправится в тюрьму за инсценировку твоей смерти. В твоей стране нет закона...

– В моей стране?

– Я не хотела... – Имельда откашлялась. – Ты прав. Прошу прощения. В Соединенных Штатах. Судя по всему, инсценировка смерти – не нарушение закона, а именно это Томас и сделал. Твои похороны были ненастоящими. Властей интересуют последствия твоей смерти. Они хотят знать, получил ли Томас финансовую выгоду.

Я смахнул пот с переносицы и вернул на место солнцезащитные очки «Мауи Джим».

– Донато – состоятельные люди. Я уверен, что получил.

– Ничего подобного. После ареста Фила дела у «Донато Энтерпрайзес» идут неважно. Твой пакет акций остается нетронутым. Томас управляет им по доверенности. Он так и не получил страховку после твоей смерти.

– Как мило с его стороны.

Имельда подняла глаза к потолку с видом потерявшей терпение старшей сестры.

– Свои вложения и счета ты можешь получить, когда захочешь.

А вот этого я не хотел. Она щелкнула ручкой. Мне захотелось вырвать эту ручку из ее руки и выкинуть с балкона.

– Нет, спасибо. Когда узнаешь об аресте Томаса, сообщи мне хорошую новость.

Я привстал и оттолкнул кресло, деревянные ножки поехали по плиточному полу.

– Сядь, Карлос, – это был тон старшей сестры. Я рассвирепел и остановился, так и не поднявшись окончательно. – Por favor[16 - Пожалуйста (исп.)]. Это касается тебя. Можешь сколько угодно ненавидеть меня и Томаса, но хочешь верь, хочешь нет, мы оба беспокоимся о тебе. И я люблю твоих сыновей.

Я снова опустился в кресло и поднял голову. По коже пробежал мороз.

– Какое отношение это имеет к ним?

Имельда посмотрела налево, потом направо. Она отложила ручку и подалась вперед.

– Власти задают Томасу вопросы о твоей смерти. Меня беспокоит, что они могут приехать за тобой, чтобы проверить все то, что рассказал Томас. Здесь только мы с тобой, – она отчетливо дважды стукнула по столу, – знаем о тебе правду. Томас передал мне твои новые документы. Я понятия не имею, где и как он их получил. Они настоящие, насколько я знаю, но если они поддельные...

Я перестал дышать. Не мог дышать. Спина вжалась в кресло.

– ...меня могут посадить в тюрьму или депортировать.

Потому что, вполне возможно, я нахожусь в стране нелегально. Фальшивое удостоверение личности и отсутствие визы.

– Никто не должен узнать, что я тебе помогла. Я потеряю свою гостиницу. А ты, Карлос, – в панике сказала она, – можешь потерять Джулиана.

Глава 7

Джеймс

Настоящее время

22 июня

Лос-Гатос, Калифорния

– Ты – сеньора Карла?

– Ну... да. – Она сказала это так, словно это не должно было его удивить.

Джеймс выругался. Он не мог в это поверить. Последние пять лет Клэр приезжала в Пуэрто-Эскондидо. Она достаточно сблизилась с Карлосом и его сыновьями, чтобы стать практически членом семьи. Она ни разу не сказала, кем приходится им на самом деле.

Джеймс сцепил пальцы на затылке и диким взглядом обвел кухню. Закончатся ли когда-нибудь ложь и предательство?

Марк промчался мимо него, обхватил Клэр за талию и прижался щекой к ее животу. Клэр ахнула, а потом на ее лице появилась самая широкая улыбка, которую доводилось видеть Джеймсу. Она положила руки Марку на спину, не отпуская его.

– Ты любишь его. – Слова Джеймса прозвучали как обвинение. Его охватило неприятное чувство. Он отвел глаза, завидуя тому, как тепло мать относится к его сыну. К своему внуку.

Джеймс сглотнул горький комок в горле. Как бы ему ни хотелось скрыть правду от Джулиана и Маркуса, рано или поздно придется сказать им, кто на самом деле сеньора Карла. Как эта новость повлияет на его сыновей вдобавок ко всем прочим переменам?

«Они никому не будут верить», – мрачно подумал он. Имельда не была их тетей. Карла не была случайной соседкой. А их отец не был Карлосом. Единственным подлинным человеком в этом хаосе была их тетя, Наталия Хейз. Благодарение богу, у них есть хотя бы она.

Клэр присела, чтобы ее глаза оказались на одном уровне с глазами Марка, и положила руки ему на плечи. Джеймс резко вдохнул. «Что она скажет ему?»

Лучше бы ей не произносить ни слова.

Он был вне себя. Это его дети. Он ни за что не позволит своей семье дурить им головы. После смерти матери и того момента шесть месяцев назад, когда их отец забыл все, в том числе и сыновей, им досталось больше сердечной боли и горя, чем следовало бы испытывать детям.

– Я скучала по тебе, – сказала Клэр Марку, и Джеймс чуть расслабился, пусть даже на мгновение. Она обрушила на лоб Марка дождь поцелуев. – У меня есть кое-что и для тебя, Джулиан. – Она улыбнулась его старшему сыну.

Джулиан сумел обойти Джеймса, чтобы обнять Клэр. Потом его сын ждал, переминаясь с ноги на ногу, пока Клэр копалась в своем пакете. Она достала для Марка набор акварельных красок.

Джеймс едва не потерял равновесие. Набор красок от женщины, которая заставила его вернуть самый первый художественный набор, который ему подарили. Это был подарок Эйми на его день рождения. Когда Джеймс был подростком, мать четко давала понять, что он должен сосредоточиться на учебе и спорте, никаких бесполезных хобби.

У него в голове всплыло воспоминание. Ему тринадцать лет. Он в потной футболке, прилипшей к груди, в запятнанных травой футбольных трусах, облегающих бедра, потертый шлем висит на кончиках пальцев, вернулся в свою комнату после тренировки по футболу и обнаружил там Клэр, рывшуюся в его ящиках.

Он остановился на пороге, сердце стучало о ребра.

– Что ты делаешь?

– Миранда нашла краску на твоей футболке. – Клэр с грохотом задвинула ящик письменного стола и перешла к следующему.

Экономка, должно быть, видела футболку в грязном белье. Масляная краска оставляла следы, поэтому, когда Джеймс рисовал у Тирни дома, он всегда надевал только поношенные футболки, такие, которых мать не хватится, если придется их выбросить.

Рука матери исчезла в другом ящике, отодвинула в сторону носки, скатанные в клубок. Один упал на пол. Мать не найдет ни испачканной одежды, ни кистей, ни тюбиков с краской, если она это ищет. Джеймс стал настоящим шпионом, скрывая свои частые визиты к Тирни. Причин, по которым он проводил там так много времени, было две. Ему по-настоящему нравилась Эйми. Она была классной, с ней было весело. А еще Джеймсу очень нравилось писать красками, а мистер и миссис Тирни предоставили ему для этого место в своем доме. Они даже покупали ему все необходимое для живописи.

Почему его родители не могли поступать так же? Почему мать не могла поощрять его страсть, как Тирни? Благодаря их поддержке расцвел его талант.

Клэр остановилась и подняла на него глаза.

– Ты занимаешься живописью?

Почему ей не нравится, что он рисует?

Джеймс постарался сглотнуть комок в горле и посмотрел ей в глаза.

– Нет. – Он усовершенствовал и умение лгать.

– Тогда объясни, откуда краска на той футболке, которую нашла Миранда.

– Я испачкался в школе, когда мы готовили в классе проект. – Он сразу пожалел об этих словах. Как при неуклюжей передаче, он уронил мяч. В школу Джеймс ходил в форме. – Сестра Кэтрин разрешила нам снять форменные рубашки, если есть нижняя футболка. – Он приукрасил свою ложь. – У нее не хватило фартуков на весь класс.

Клэр задвинула ящик и подошла к нему, отбросив в сторону узким носом дизайнерской туфли свернутые в клубок носки. Она положила ладонь на его перепачканную грязью щеку. Взгляд переместился со слипшихся волос на потрескавшиеся губы, потом вернулся к его глазам. Губы дрогнули, и мать вздохнула, смирившись:

– Джеймс, та футболка, которую показала мне Миранда, старая и растянутая. Не носи такие вещи в школу. У тебя целый ящик чистых белых футболок. – Ее ноздри слегка расширились. – Иди в душ.

Она похлопала его по щеке и вышла.

Джеймс посмотрел на свои испачканные травой и пропитанные потом носки, желая, чтобы мать проявляла столько же интереса к его искусству, сколько к его одежде и гигиене. По крайней мере, Тирни вставляли его картины в рамы. Он только что закончил писать ведущего игрока, готового к броску, застывшего за секунду перед броском. И эта картина заставила Джеймса подумать, что он лучше владеет кистью, чем мячом.

* * *

Джеймс смотрел, как его сын изучает набор красок. Марк понятия не имел, насколько это важный подарок.

– Вот это тебе тоже понравится. – Клэр показала ему альбом для акварели.

Марк схватил бумагу.

– Gracias, Se?ora Carla[17 - Спасибо, сеньора Карла (исп.)].

– Ты – великолепный художник, как и твой отец.

– Какого... – Джеймс едва сдержал ругательство. Ему следовало радоваться вместе с Марком. Ему следовало быть довольным тем, что у Марка будет занятие на время обустройства на новом месте. Вместо этого гнев и зависть клещами сдавили грудь Джеймса.

Он ненавидел себя за это. Он прочитал дневники Карлоса. Он узнал, почему мать презирала его занятия живописью.

И все равно ему было больно.

Клэр рискнула поднять глаза на Джеймса, но отвела взгляд, уловив его мрачное настроение.

– А это тебе, Джулиан. – Ее обычно твердый голос дрогнул. Она вручила мальчику футбольный мяч.

– Круто! – Он сунул мяч под мышку. Его другой футбольный мяч лежал в одной из коробок в гараже.

– Это тоже тебе. – Клэр сунула руку в пакет. – Это тоже футбольный мяч.

Джулиан фыркнул.

– Это не футбольный мяч.

– Это мяч для американского футбола, – с быстрой улыбкой пояснила Клэр. – Твой отец когда-то играл. У него были отличные передачи. Попроси его показать тебе.

Джулиан дернул плечом:

– Конечно. Как-нибудь.

– Джулиан, пойдя, поиграй с братом в футбол.

– Почему? – изумленно выпалил он. – Я почти год не видел сеньору Карлу.

– Нам с ней надо поговорить.

– Я тоже хочу поговорить с ней.

– Джулиан, – резко и громко сказал Джеймс. Имя эхом отозвалось в кухне.

Мальчик побледнел. Он переводил взгляд с отца на Клэр и обратно. Потом сглотнул, и Джеймс понял: Джулиан догадался, что что-то не так. Откуда его отец знает эту женщину, если он ее не помнит? Мальчик шаркнул ногой, сердито бросил мяч на пол, подхватил, когда тот подпрыгнул, и прижал к животу.

– Идем, Марк, давай убираться отсюда. – Джулиан положил руку на затылок младшему брату и вытолкнул его из кухни.

Когда хлопнула высокая стеклянная дверь, выходившая на задний двор, Джеймс развернулся и свирепо посмотрел на мать. Клэр поджала губы. Она взяла нож и начала резать сэндвичи с яйцом.

– Ты бы отправил меня домой, если бы я сказала тебе правду, – объяснила она свое присутствие в Пуэрто-Эскондидо. – Я хотела...

Нож застыл, нависнув над следующим сэндвичем.

Джеймс крепко скрестил руки на груди.

– Продолжай, мама. – Он фыркнул. Терпения на свою семью у него давно не осталось. – Чего ты хотела?

Она вздернула подбородок:

– Я хотела познакомиться со своими внуками.

Тревожная мысль прошла через него, словно холодный фронт. На руках появились мурашки. Знала ли она с самого начала, что Томас имитировал его смерть?

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказала Клэр, выравнивая половинки сандвичей на тарелке. – Томас не говорил мне о тебе или о том, что он прячет тебя, пока Эйми тебя не нашла. После он рассказал мне и о том, как Фил повел себя с Эйми, и о том, что, по его мнению, Фил пытался убить тебя в Мексике. – Она замолчала, кончиком пальца вытерла с тарелки каплю майонеза, вытекшую из сэндвича. – Незачем и говорить, что я в не слишком хороших отношениях с твоими братьями.

«У меня было три сына. Когда-то».

Карлос записал много разговоров с сеньорой Карлой. Джеймс помнил, как прочел это признание. Одиночество Карлы привлекло Карлоса в его безысходном отчаянии. Ему нужен был настоящий друг, но ему трудно было кому-то довериться. Между ним и Карлой установилось нечто вроде родства. Они открылись друг другу, чего никогда бы не случилось, если бы он знал, что приходится ей сыном.

Клэр вытерла стол, сполоснула нож и вернула его на место. Она махнула рукой в сторону сандвичей. Их было четыре.

– Я приготовила ланч.

Это предложение мира, решил Джеймс.

– Не надейся начать с того места, на котором все закончилось. Я не тот человек, каким был в Мексике.

Клэр заморгала, пальцы метнулись к верхней пуговице на блузке.

– И ты не та женщина, которой тебя считали мои сыновья. – В его голосе прозвучало предупреждение.

Их глаза встретились над мраморной столешницей кухонного островка. Через мгновение решительное выражение на лице матери исчезло, сменившись унынием. Подбородок дернулся, она чуть кивнула, выгрузила из пакета жевательные мишки для Марка и «Орео» для Джулиана. Их любимые.

Клэр подтолкнула к Джеймсу прямоугольную коробку, перевязанную красной лентой, потом взяла свою сумочку и ключи. Он смотрел, как она уходит.

Мать остановилась на пороге кухни.

– Добро пожаловать домой, Джеймс.

Она не стала ждать его ответа, и через мгновение Джеймс услышал, как щелкнула, закрывшись, входная дверь.

Он уставился на коробку. Его мать никогда не дарила подарков просто так. Подарки она ему дарила только на дни рождения и на праздники, больше никогда и ничего. Ему стало любопытно, и он развязал ленту. Он ненавидел себя за то, что сердце от предвкушения забилось быстрее. Он презирал себя за то, что испытывает такое же чувство, как и его сыновья несколько минут назад. Ликование.

Джеймс поднял крышку и увидел набор кистей «филберт», их щетинки веером идеально подходили для смешивания масляных и акриловых красок. Комок размером с кулак встал у него в горле. После всех этих лет мать принесла ему то, что необходимо художнику.

«Что ж, мама, поздновато». У него не было ни малейшего желания писать снова.

Он бросил коробку обратно на столешницу, а четвертый сэндвич отправил в мусорное ведро. Остальное завернул на потом, так как еще чувствовал себя сытым после завтрака. Мальчики, вероятно, тоже есть не хотят.

Вторую половину дня Джеймс и его сыновья провели, распаковывая вещи и наводя порядок в своих комнатах. Они привезли с собой только одежду, игрушки, важные документы, фото матери и несколько сувениров. Джеймс принес из гаража лишь две маленькие коробки с книгами и папками, остальное оставил. Его вкус в одежде изменился по сравнению со вкусом Карлоса, а сшитые на заказ костюмы и рубашки, которые Эйми предпочла убрать в коробку вместо того, чтобы отдать на благотворительность, он видеть не мог. Это была одежда из его жизни до

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вставай, папа, хватит спать! Я хочу есть (исп.).

2

Хочу завтрак! (исп.)

3

Пролог – перевод Н. Флейшман.

4

Боже! (исп.)

5

Турнир, соревнования по сёрфингу (исп.).

6

Извините (исп.).

7

Да? (исп.)

8

Дерьмо! (исп.)

9

Быстро! (исп.)

10

Мексиканский кофе – алкогольный напиток на основе эспresso (эспresso, текила, ликер калуа, взбитые сливки).

11

Вот дерьмо (исп.).

12

Еще! Еще! (исп.)

13

Пожалуйста, папа! (исп.)

14

Знамениты на весь мир (исп.).

15

Пои – гавайское кушанье из корня таро.

16

Пожалуйста (исп.).

17

Спасибо, сеньора Карла (исп.).

Купить: https://telnovel.com/lonsdeyl_kerri/vse-что-my-ostavili-pozadi

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)